

СЛОВА

Литературно-художественный журнал

Literary and Art Journal

SLOVA

#16

Марко Джioвенале / Marco Giovenale	5
Карло Бульи / Carlo Bugli	13
Вилли Мельников / Willy Melnikov	17
Мистер Вторник / Mr. Tuesday	27
Агам Андерас / Agam Andreas	31
Джон М. Беннетт / John M. Bennett	33
Джим Лефтивич / Jim Leftwich	37
Джеймс Боун / James Bone	41
Путешествие в мир боли (рецензия) / Journey into the world of pain (book review)	57

Редакторы:

Глеб Коломиец, Инна Кириллова

Editors:

Gleb Kolomiets, Inna Kirillova

Работа на обложке:

Карло Бульи

Cover art:

Carlo Bugli

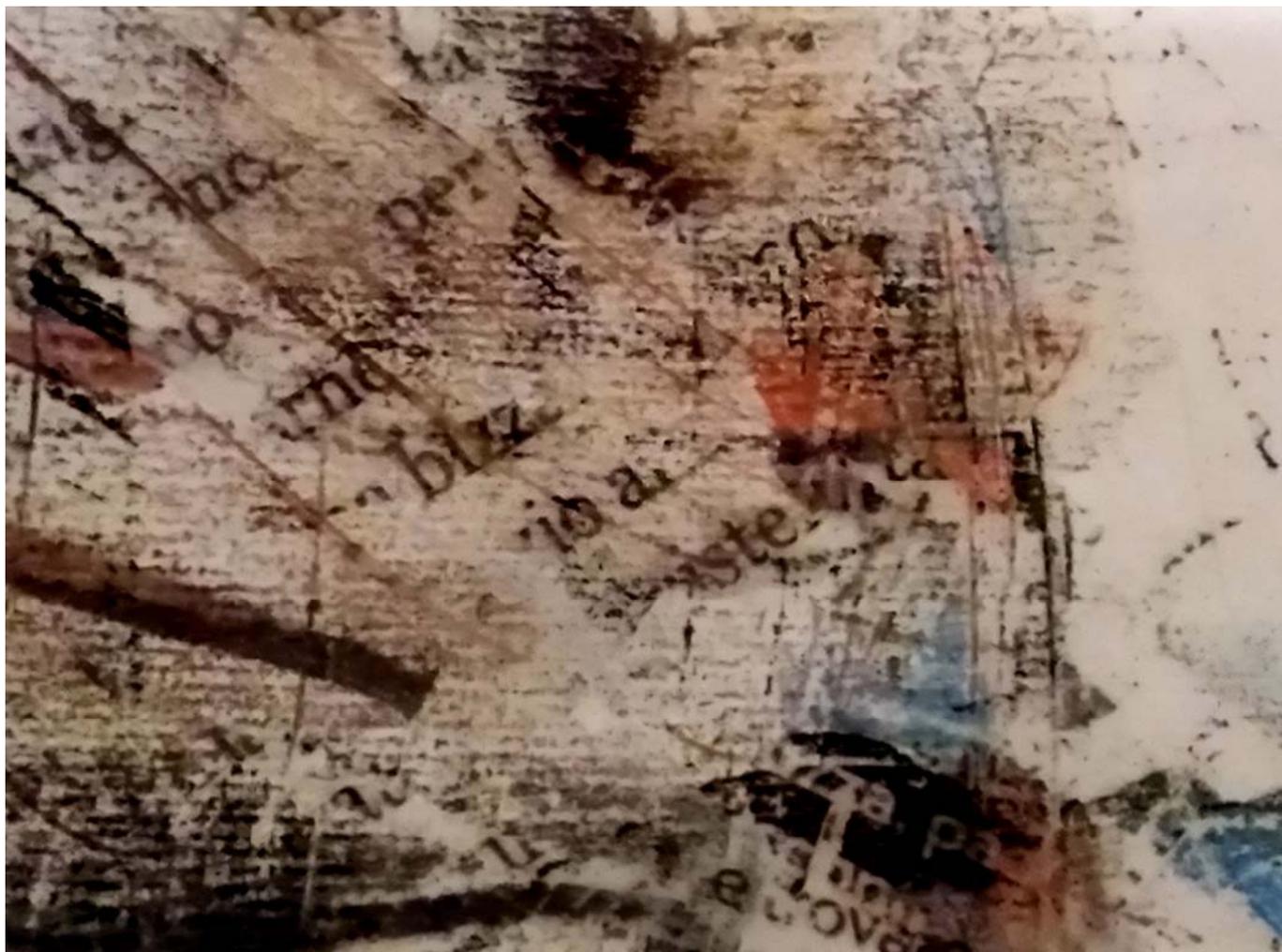
САЙТ ЖУРНАЛА:<http://slova.name>**WEBSITE:**<http://slova.name>**Группа в ВК:**http://vk.com/slova_journal**VK group:**http://vk.com/slova_journal**Страница в Facebook:**<https://www.facebook.com/slovajournal>**Facebook page:**<https://www.facebook.com/slovajournal>**ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:**ardor@list.ru**EMAIL:**ardor@list.ru

Мнение автора и редакции может не совпадать.
 В текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.
 Все материалы опубликованы с согласия авторов.

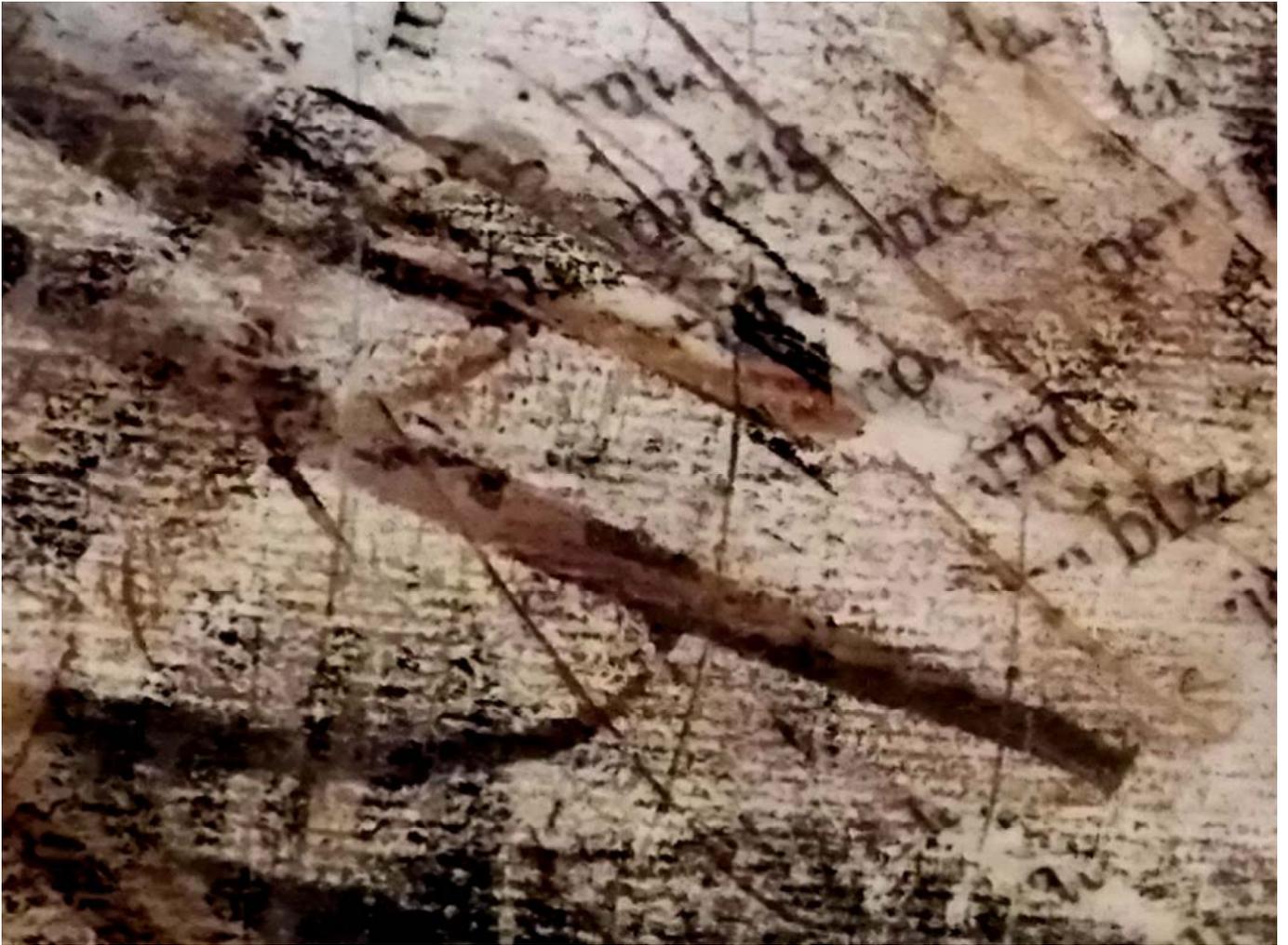
Author's and editors' opinion may differ.
 All the texts are published in the author's editions.
 All the materials are published with the authors' permission.

Слова #16

Работы Марко Дживенале

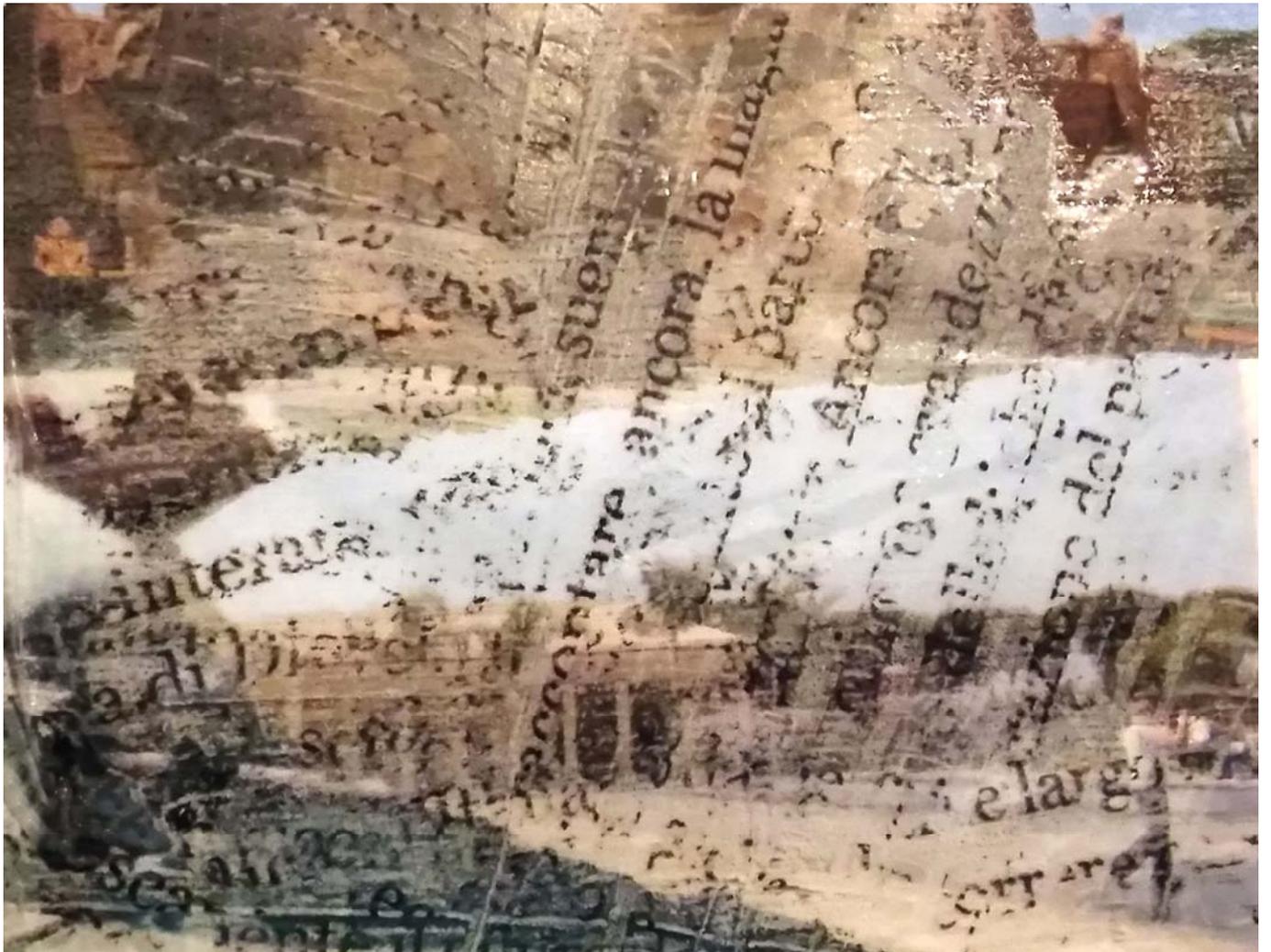

Works by Marco Giovenale

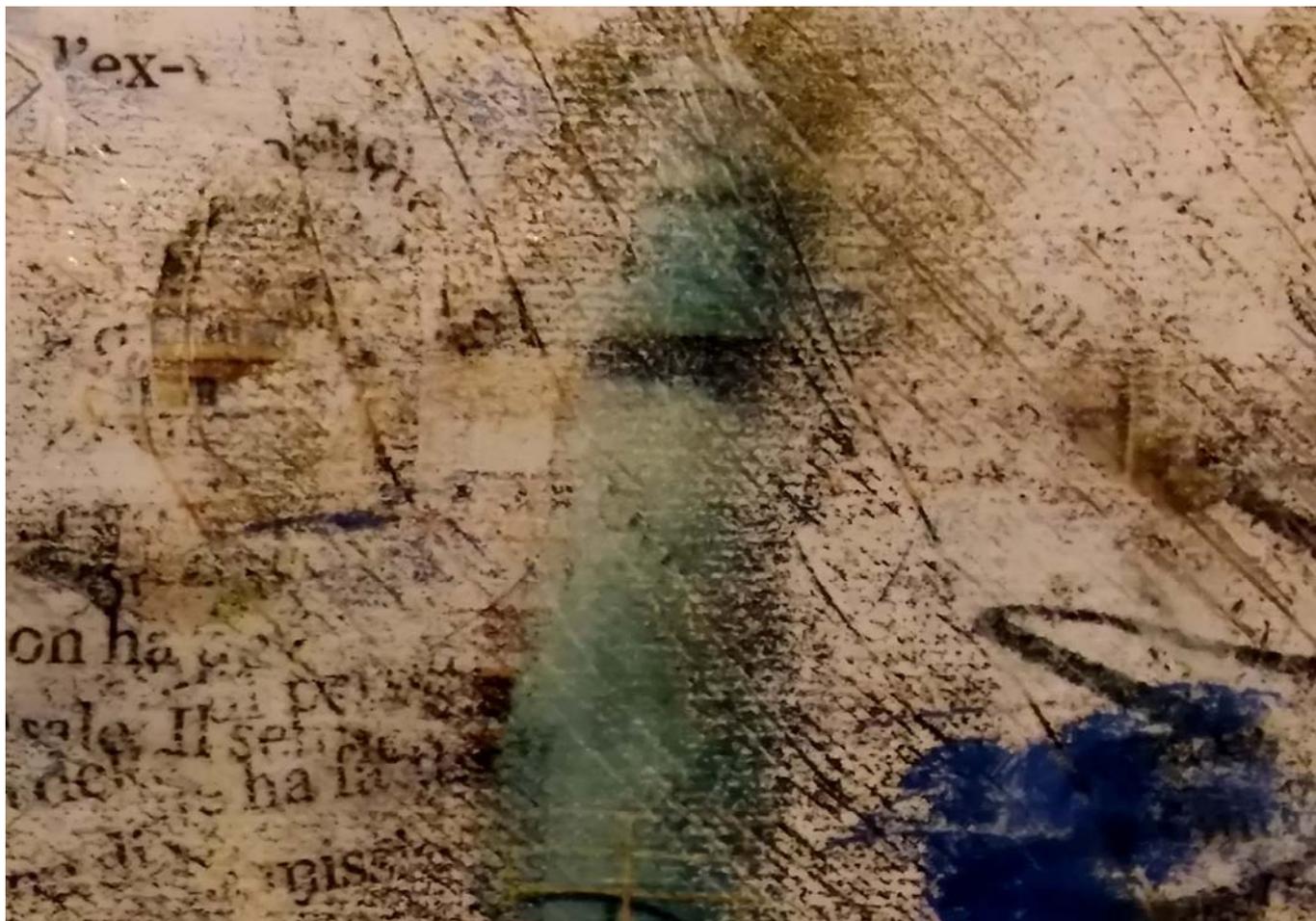

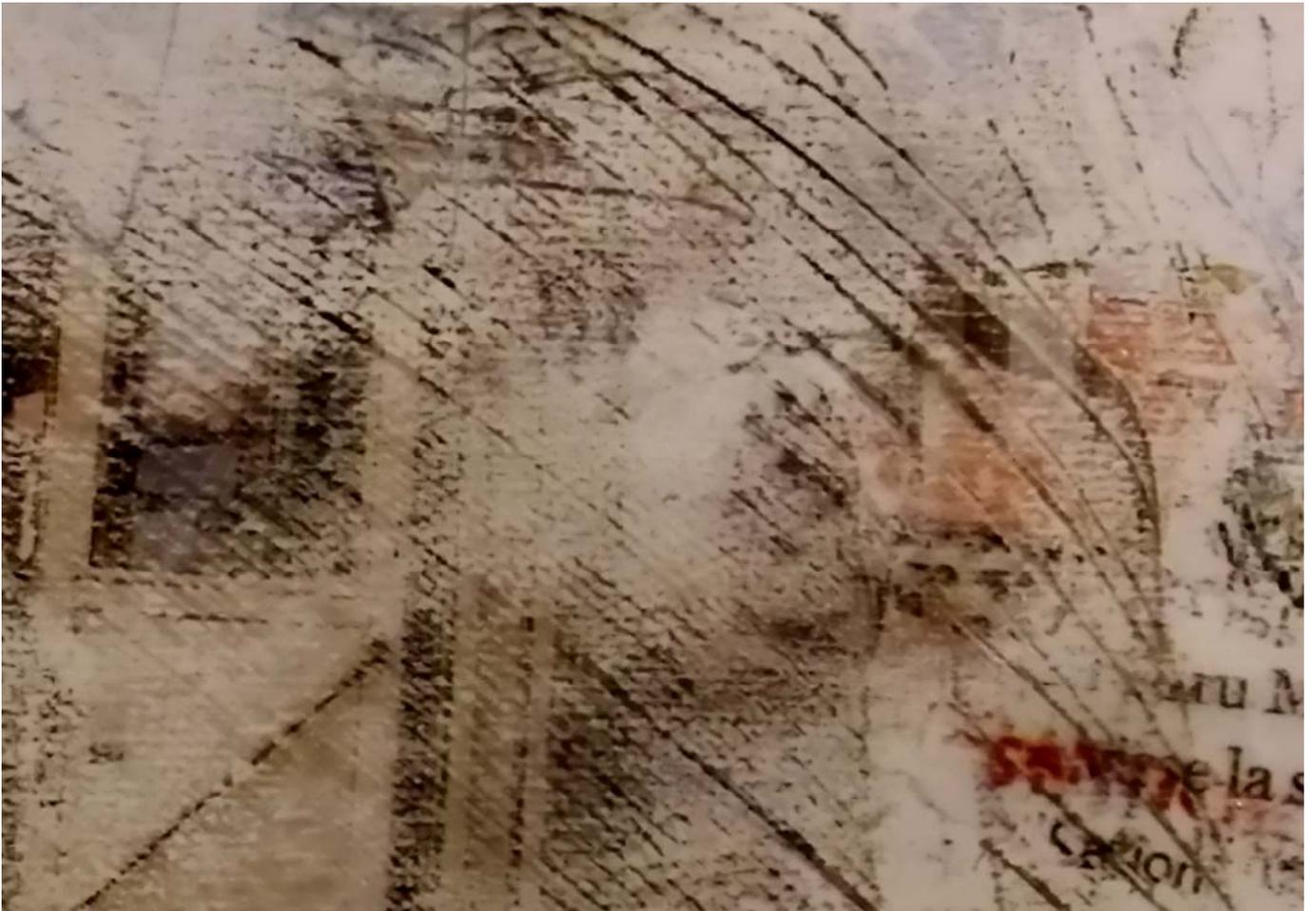
Слова #16

Слова #16

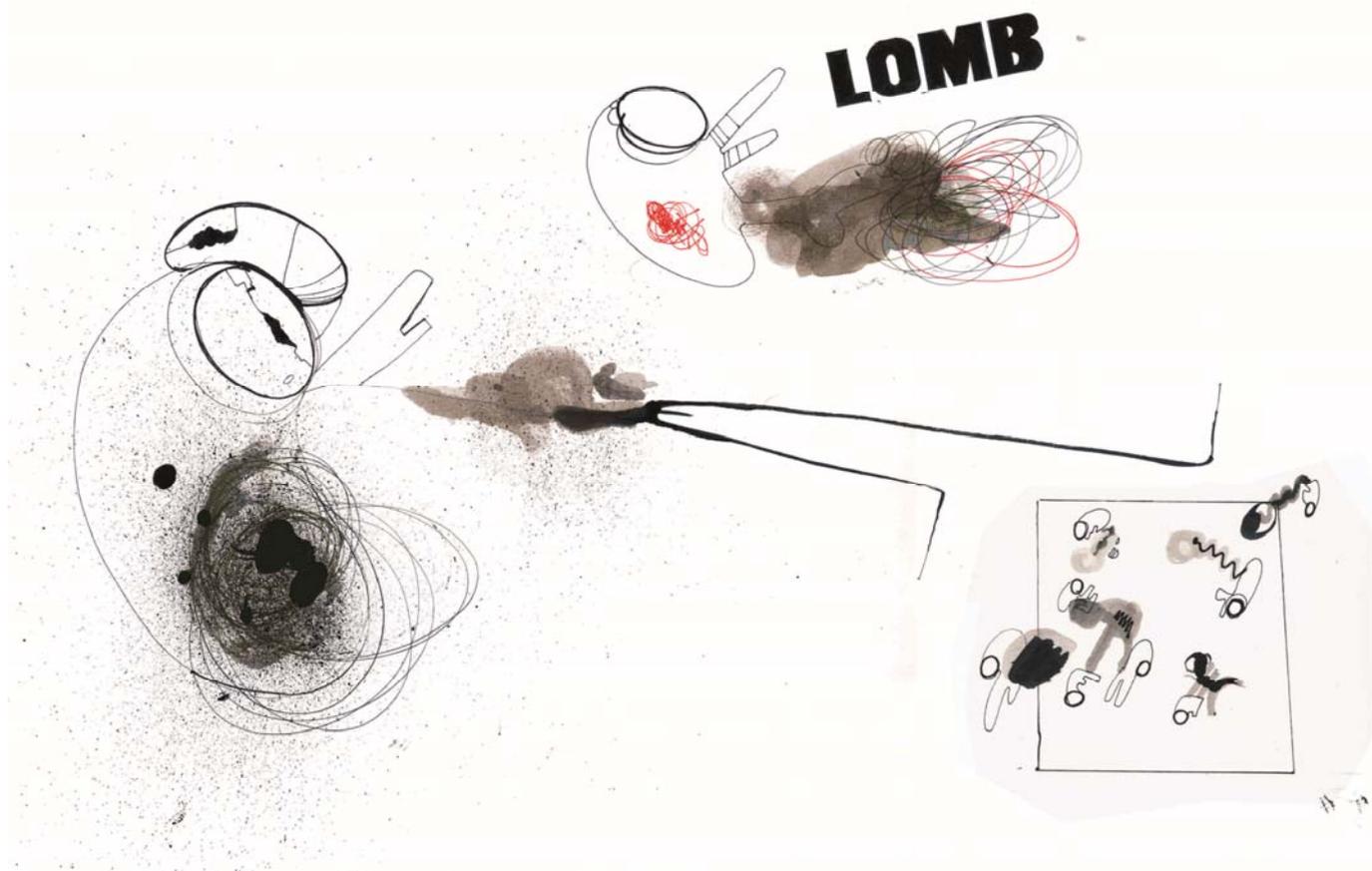
Слова #16

Слова #16

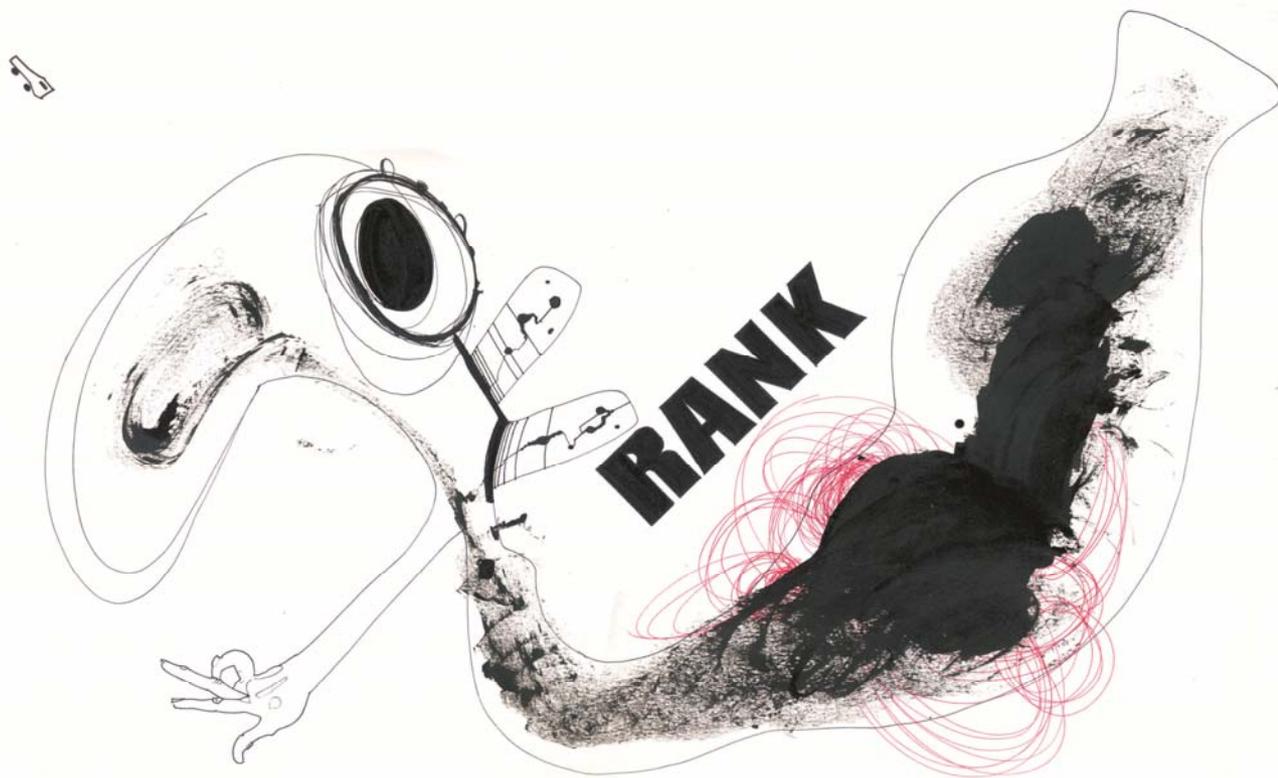
Карло Булыи. Работы из цикла "Transitopie"

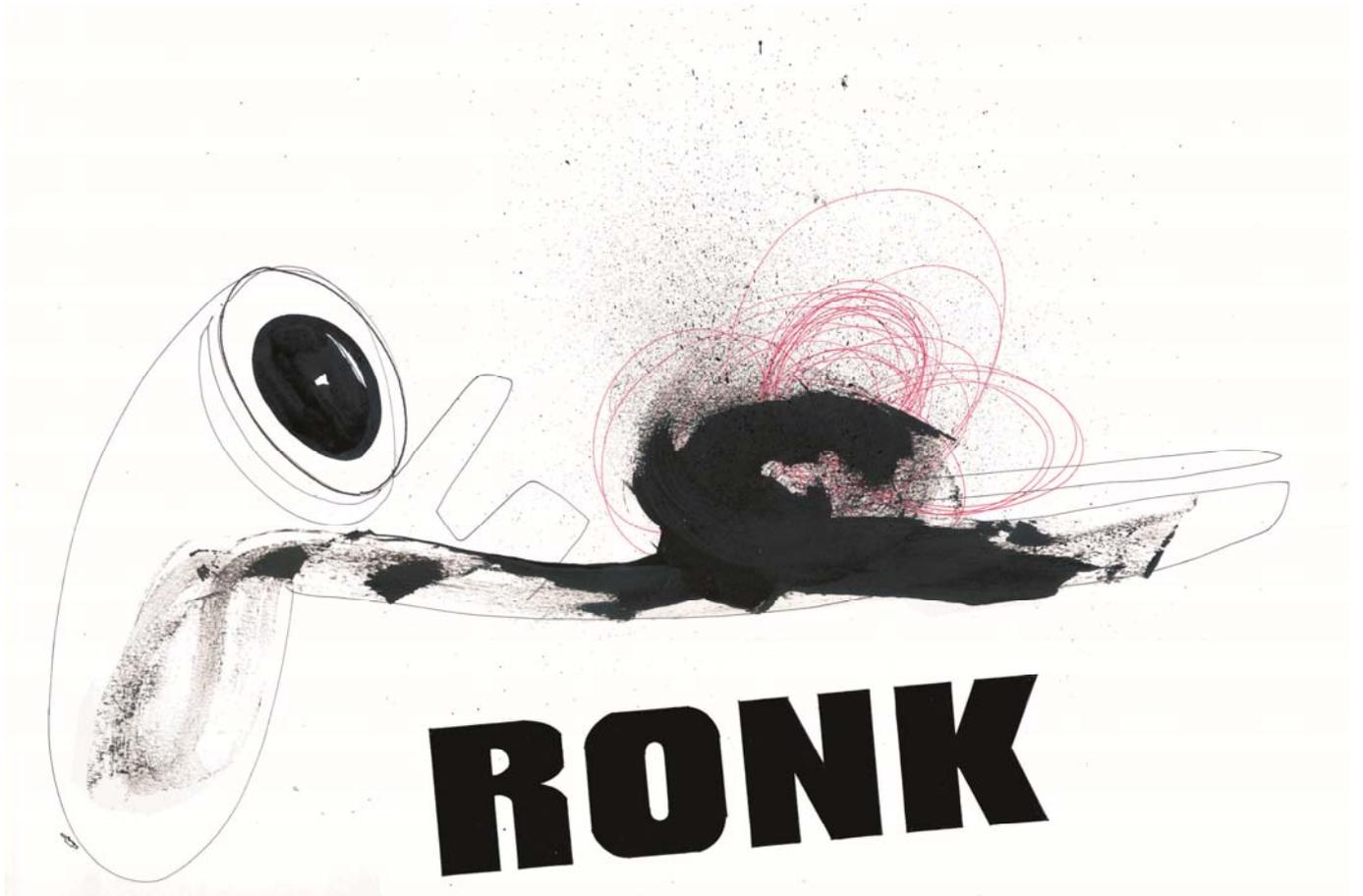

Carlo Bugli. From "Transitopie"

Слова #16

Вилли Мельников. Мета-химия канализационных люков

Уточним изначальное значение запредельно заезженного древнегреческого термина — «метафизика». «Μετα-φύσις» [мета-физис] буквально — «между-природный», т.е. что-либо, спрятанное среди свойств какой-либо структуры; а также — «после-природный»: объект, наделённый букетом качеств, полностью обновивших как его суть, так и восприятие его со стороны. Увы: термин этот, оставаясь по-прежнему многомерным, давно страдает смысловым плоскостопием... Поэтому предлагаю ввести в арт-лексикон понятие из обихода эллинских мореходов: «Μετα-χῆμος» [мета-химийос], означающее: «нечто, находящееся среди волн».

Именно так ими мета-химийными существами видятся мне обычные на беглый взгляд канализационные люки. Их можно представлять маяками среди асфальтовых или травяных «волн» городских пространств, по коим пролегают наши каждодневные «плаванья». И мы неосознанно запоминаем порядок расположения люков вдоль наших маршрутов, их цвет и рисунок на них. Более того: в разных городах разных стран мне встречались люди, убеждённые в том, что не будет им в этот день удачи, если с утра, спеша по делам, они не наступят на все люки, попадающиеся им по дороге, будто задабривая некоего духа грядущих случайностей. А некоторые для профилактики возможных неприятностей старались чиркать обувью по одним определённым люкам, тщательно обходя другие. Хотя это и напоминает отношение к дорожным люкам как к кнопкам на пульте некоего мифологического Вершителя Судеб, но, представьте, чаще всего это срабатывало!..

Если же вообразить, что город — это буквенно-пиктографический текст, то люки предстанут в качестве над-/под-строчных значков-диакритов, в письменностях некоторых языков указывающих долготу гласных, от которой зависит смысл произносимого слова. Ну а если вспомнить значение слова «люк» во взятых навскидку различных языках мира, то лингво-коврик получится довольно живописный. Так, во французском

есть пара слов, начинающихся со слога «люк»: «lucrer» и «lucane». В первом случае оно означает «прибыль», а во втором — «жук-олень». Какая тут связь? Дело в том, что в гасконском диалекте, замешанном на эскауди — языке басков — эти слова фигурируют как синонимы. В то же время, в немецком слово «Lücke» — «брешь; пробел; пауза», а в более архаичном варианте — «отдых, во время которого можно поразмышлять». А в венгерском языке бытует глагол «lüketetni»: «биться, пульсировать (о сердце)», а в переносном значении — «прислушиваться к себе». И действительно: в детстве мне нравилось становиться на люки — словно оказывался в каком-то незримом персональном коконе! Если же слегка коснуться одного из говоров Тибета, то можно услышать «люк» в значении «предсказание». Наконец, в языке южноамериканских индейцев гуарани очень похоже звучащее слово может быть переведено как «Великая Черепаха»: это земноводное считается в тех краях одним из живых родовых тотемов. А разве люки современных городов не напоминают черепахи панцири?.. Такой вот симбиоз контрастов,,,

Много лет назад ко мне пришло парадоксальное определение: «Канализационные люки — это таблетки, принимаемые дорогами, страдающими от дромальгии» (головной боли, вызываемой дорожным движением). Это не такая уж безнадёжная лирика, как может сперва показаться. Люки время от времени облачаются в самые разные «костюмы»: одни полузаносятся снегом, другие несут на себе лужицу, отражающую ближние деревья; а иные зашифрованы перекликаются с соседними своими собратьями и с дорожной разметкой. Всё это превращает их в подобия иероглифов, несущих в себе заботливые предостережения и/или добрые напутствия проходящим. Посему — читайте!

*/20 января 2016, Москва,
Никола-Перевинская Слобода/*

Willy Melnikov. Meta-chemia of manholes

Let us clarify the original meaning of the extraordinarily trite ancient Greek term 'metaphysics'. 'Μετα-φύσις' [meta-physis] literally means 'inter-natural', i.e. something hidden among the properties of any structure, and also 'after-natural' - an object endowed with a bouquet of qualities that completely renewed both its essence and its perception. Alas, the term, while remaining multidimensional in itself, has long had the semantic flat feet ... Therefore, I propose to introduce into the lexicon of art the notion used by Hellenic seafarers: "Μετα-χῦμιος" [meta-chemios], which refer to something among the waves .

I recognize ordinary (from a casual viewpoint) manholes as a kind of such meta-chemical creatures. They can be imagined as beacons among asphalt or grassy "waves" of urban space, through which our daily "navigation" lie. And we unconsciously remember the order of the arrangement of hatches along our routes, their colors and patterns. Moreover: in different cities of different countries I met people convinced that they will not be lucky, if in the morning, hurrying on their business, they will not step on all the hatches that come across them on the road, as if they are trying to win over some spirit of the future accidents. And some of them tried to step over some hatches for the prevention of possible troubles while carefully avoiding other unlucky manholes. Although this is an attitude towards the hatches as buttons on the console of a certain mythological Fixer of Destinies, but, imagine, it often worked!..

If you imagine that a city is an alphabetic pictorial text, manholes will appear as supra- or sub-line symbols; in some languages they indicate longitude of vowels and thus transform meaning of the spoken words. And if you remember the meaning of the word "hatch" in the various languages, compose a quite picturesque linguistic rug. For example, in French

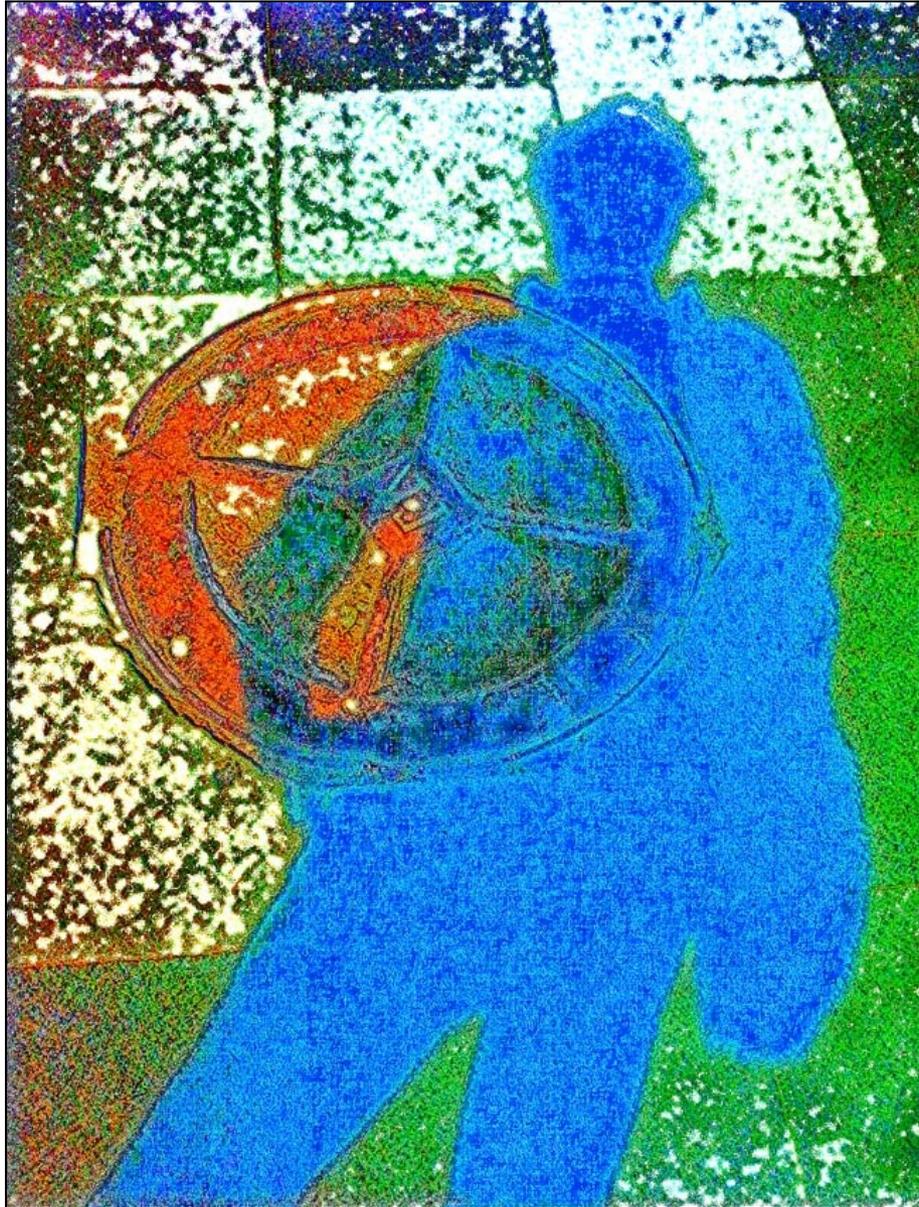
there are a couple of words which resemble the pronunciation of Russian word for hatch – 'люк' [luk]: these are "lucre" and "lucane". The first means profit, the second – a stag-beetle. What is the connection? Well, in the Gascon dialect, derived from *escaudi* - the Basque language - these words are synonyms. At the same time, in German the word 'Lücke' means a gap, space or pause, and in its more archaic version - rest, during which you can reflect. In the Hungarian language there is a verb 'lücktetni' - to fight, to pulsate, and in a figurative sense - to listen to oneself. Actually, as a child, I liked to stand on sewer hatches as if I was in some invisible personal cocoon! In of Tibet dialects word 'luk' means prediction. And finally, in the language of the South American Indians Guarani the word sounding very similar can be translated as The Great Turtle - the amphibian which is considered a living totem. And the hatches of modern cities really resemble tortoise shells... There is a powerful symbiosis of contrasts here...

Many years ago a paradoxical definition came to my mind: sewer hatches are pills taken by roads suffering from dromoalgia (headache, caused by traffic). It is not such a hopeless lyric as it might first seem. From time to time one can notice manholes dressed in a variety of "suits": some are half-covered with snow, others carry a puddle reflecting trees growing nearby, and others mysteriously call at their neighbors and road markings. All this turns manholes into a kind of hieroglyphs of warnings and/or kind wishes for those passing by. Therefore, read them!

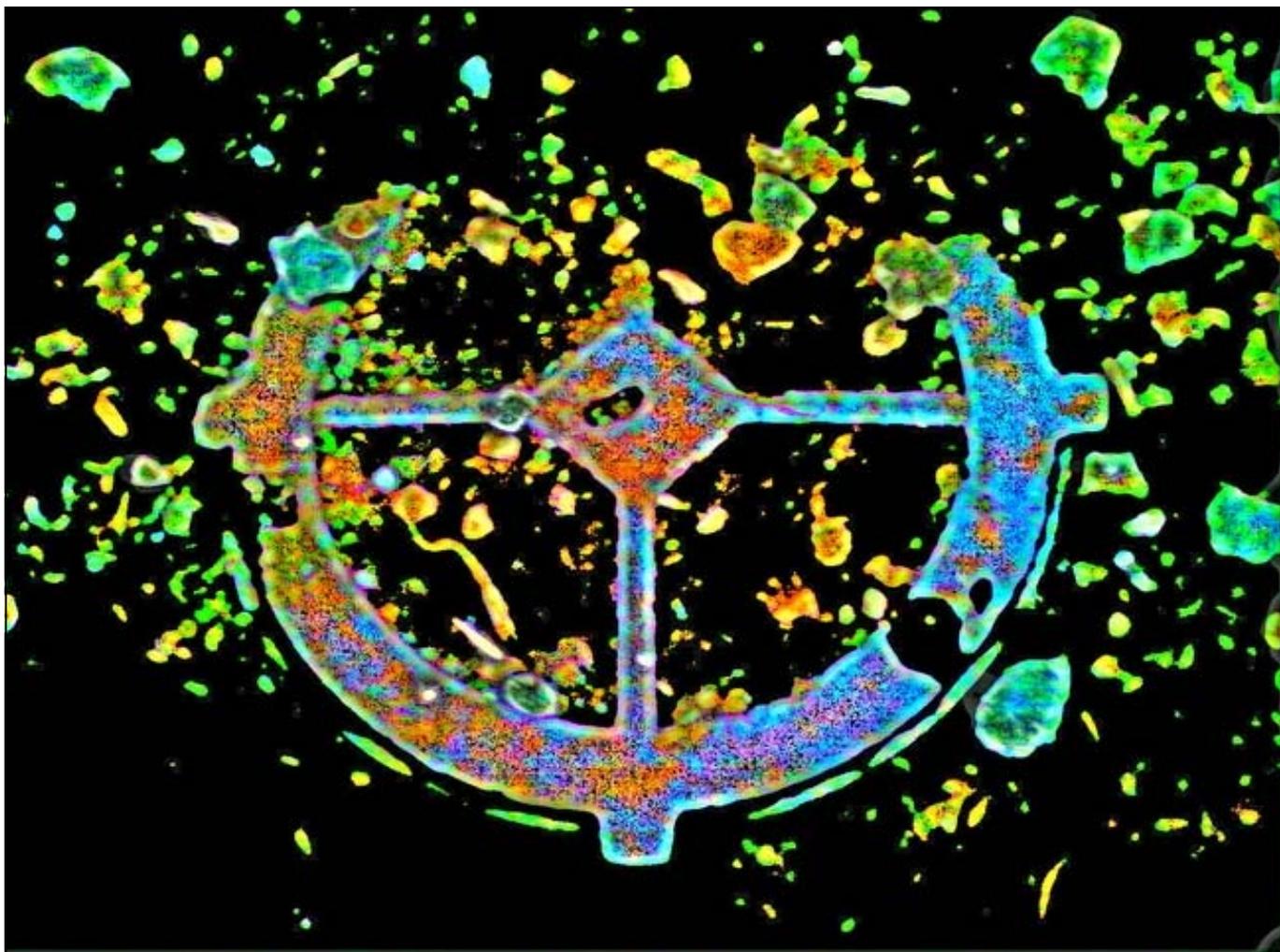
*/January, 20, 2016, Moscow,
Nikolo-Perervinsky Sloboda/*

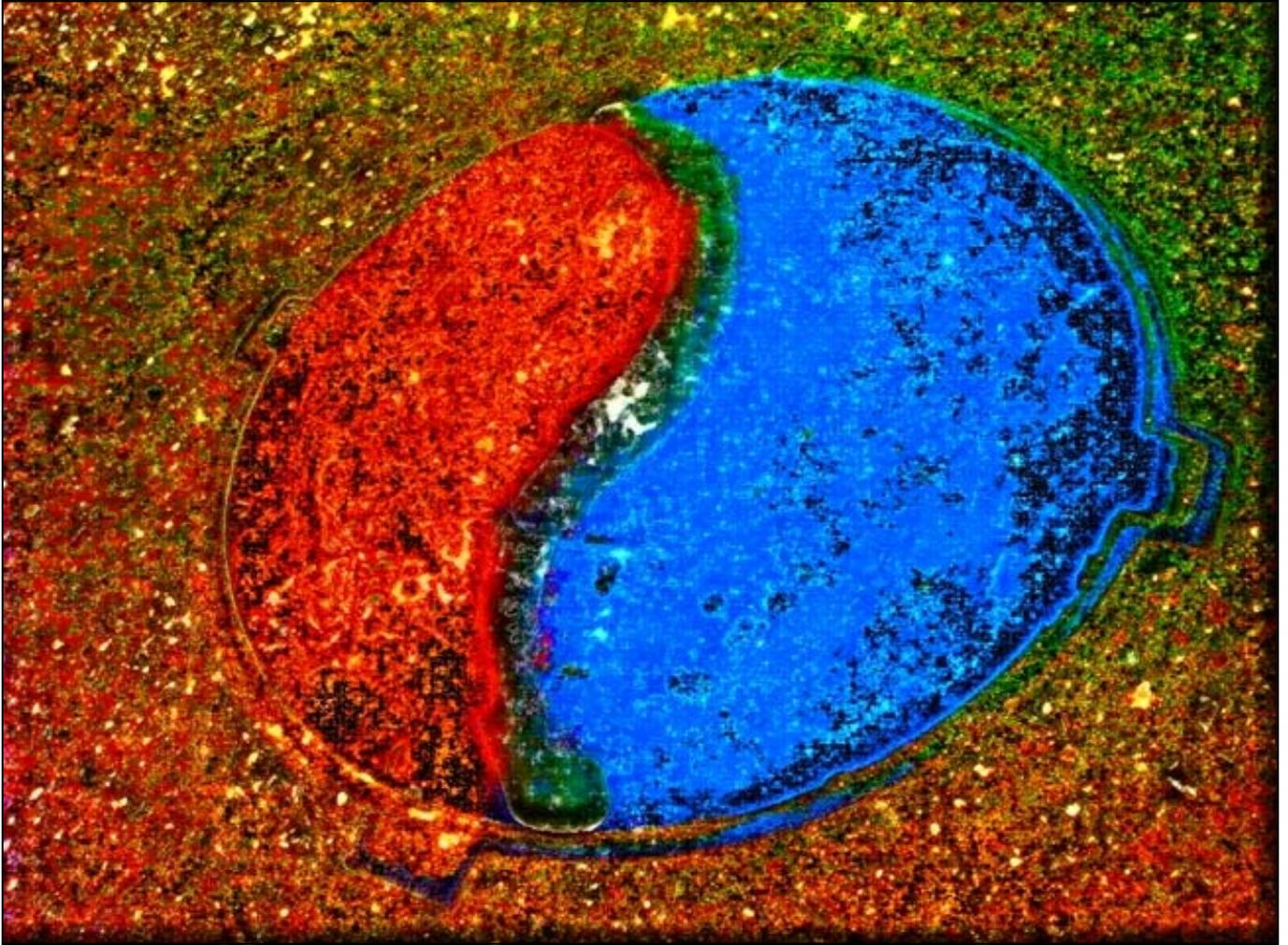
Слова #16

Слова #16

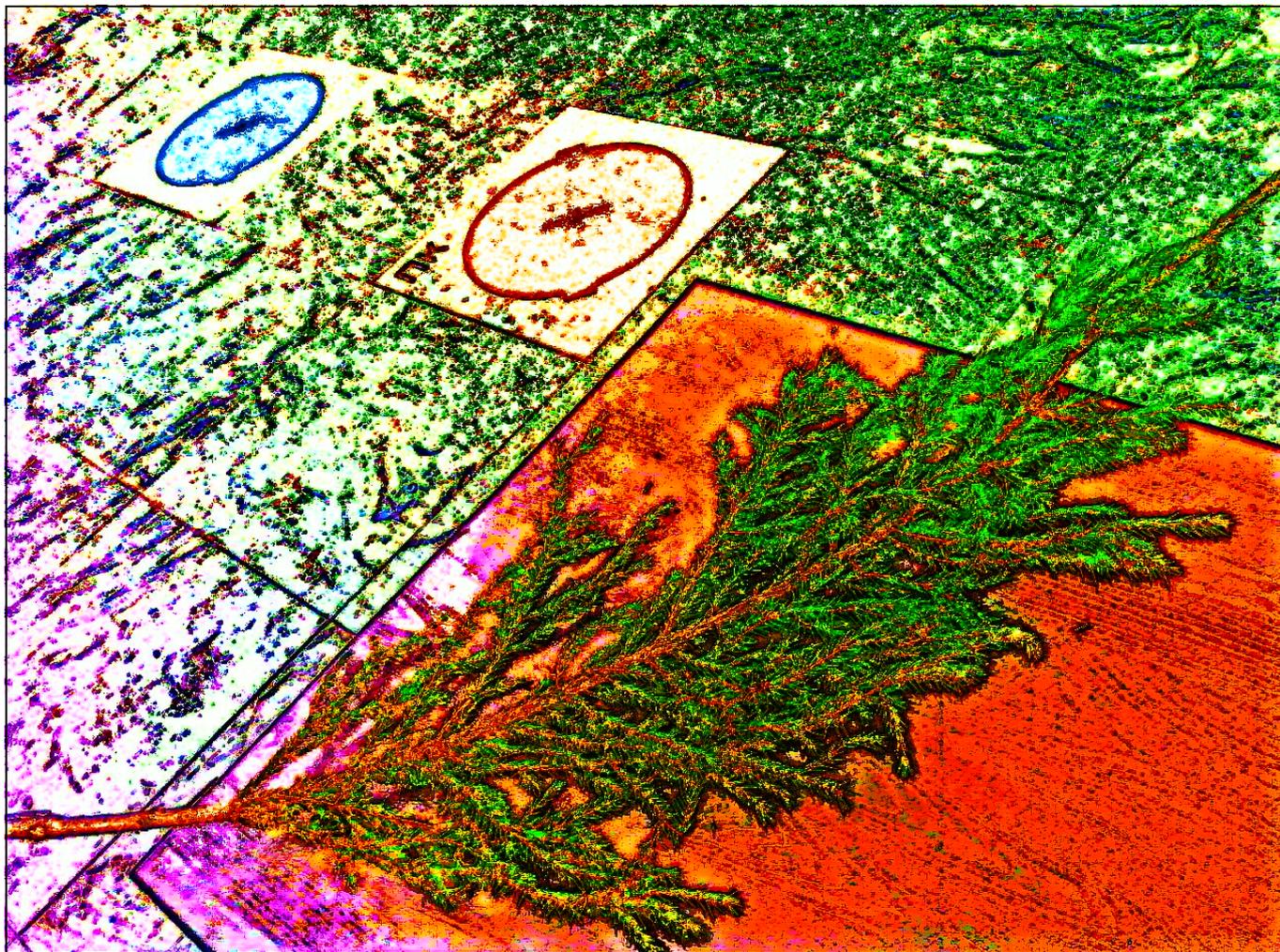

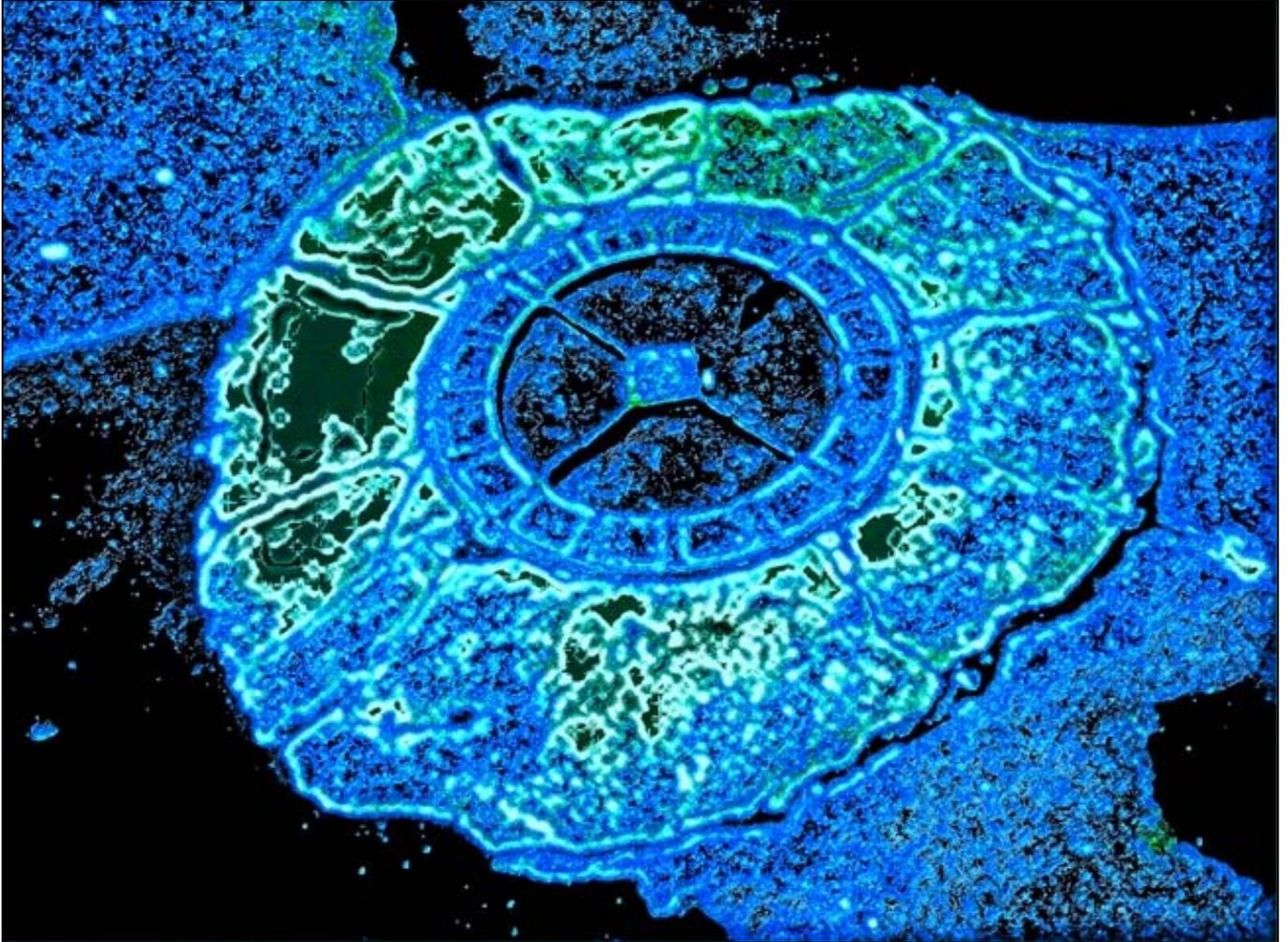
Слова #16

Слова #16

Мистер Вторник. Выстрелы дронов

Перевод с английского N.Sch

давай кончи на мой Университет национальной обороны кончи на мой Форт Макнейр детка обкончай моих американцев сладкий давай спусти этот ебанный заряд залей спермой всю мою ебаную Республику я даю тебе полное право кончить блять на мой ебанный 21-й век обкончай мои Соединенные Штаты детка ты хочешь кончить на эту милую маленькую Америку покрой глазурью своей спермы этих американцев малыш залей мою гражданскую войну своим ебаным семенем детка обкончай всю эту Холодную войну даа кончи на мои Конституционные принципы детка спусти на мою ебаную Берлинскую стену забрызгай мой ебанный 21-й век детка забрызгай своей ебучей спермой мое 11 сентября 2001 взорви мою Аль-Каиду ты жеребец о да ну же кончи на Афганистан обкончай весь Ирак залей своим мужским молоком Аль-Каиду детка обкончай всю мою ебаную Аль-Каиду забрызгай мою Аль-Каиду своей ебучей спермой о да блять кончи на Ирак я хочу чтобы ты кончил на моего Осаму бин Ладена кончи на мой миленький маленький Бенгази детка утопи этот крохотный Бостон в своей ебаной сперме детка стреляй по этому сладкому 9/11 накорми моих американцев своей спермой детка дай это Америке о даа давай давай блять залей моего Джеймсона Мэдисона своей спермой спусти свой заряд прямо на моего Президента детка что за выстрел блять покрой Аль-Каиду своим ебучим семенем ты жеребец о да давай спускай каждую последнюю каплю о да покрой Афганистан своей ебаной спермой дай Пакистану той кончи детка прямо здесь мне не терпится ощутить твою сперму по своему ебаному Бенгази о да позволь я подрочу тебе на свой ебанный Бостон позволь мне подрочить этот большой хуй на свой ебанный 9/11 ты почти кончил ты хочешь обкончать всю мою ебаную Аль-Каиду покрой меня этой малафьей блять обкончай весь мой Йемен малыш я хочу твою сперму на моем Ираке о мой бог кончи на весь мой ебанный Сомали детка о да взорви Северную Африку этим зарядом спермы детка обкончай эту Аль-Каиду детка обкончай Аравийский полуостров ты грязный ублюдок обкончай мой ебанный АКАП ты же-

ребец о мой бог блять кончи на эту сочную АКАП обкончай это юное Рождество 2009 года сбрось блять этот ебанный заряд на весь мой Арабский мир о да детка спусти этот заряд спермы на Ливию блять покрой мою Сирию своей ебучей спермой ты жеребец да обкончай весь этот сладкий маленький 9/11 о да ты собираешься обкончать всю эту Хезболлу малыш о блять да блять кончи на мой ебанный Бенгази ты ебанный жеребец о мой бог спускай каждый ебанный заряд на нефтяные платформы BP ты ублюдок ебанный в рот ты думаешь что зальешь семенем весь мой ебанный Алжир правда конечно ты ебанный жеребец блять давай сделай это кончи на Соединенные Штаты блять кончи детка сделай это о да сбрось свой огромный заряд на мою ебаную Гурдвару о господи блять кончи на мой Висконсин о господи ебанный в рот спусти на мой Техас блять спусти на все мое маленькое ебаное Здание Госучреждения дай я тебе подрочу спусти на мою Оклахому-Сити детка кончи блять на всю мою ебаную Америку кончи на Форт-Худ как на шлюху которой я и являюсь забрызгай спермой лицо Бостонского марафона о да ты ебанный жеребец блять забрызгай мою Аль-Каиду этим соком блять покрой 9/11 своей ебаной спермой ты кобель наполни мои 1980-е своими сливками детка побалуй своей сметаной этих крохотных американцев кончи на мой Бейрут еб твою мать блять кончи на Ливан кончи на Берлин обкончай весь мой рейс 103 Пан Американ и Локерби детка целься на мои ебанные 1990-е дай это Всемирному торговому центру дай это Саудовской Аравии о да направь этот заряд спермы на Кению о мой бог ты собираешься кончить на мой 9/11 малыш да даа обкончай весь ислам кончай давай обкончай все мои ебанные Соединенные Штаты наполни этим зарядом спермы Запад ты извращенец кончи на этого мусульманина кончи на эту Аль-Каиду залей спермой мой Афганистан детка обкончай этот Афган своей малафьей о да я готова размазать сперму по своему лицу детка излей эту кончу по моей Аль-Каиде покрой меня покрой мой миленький маленький Афганистан своим перламутром детка о ебанный в рот я хочу твою сперму по всей Америке по-

Mr. Tuesday. Droning Shots

cum on my National Defense University cum on my Fort McNair baby come all over my Americans baby give me that fucking load all over my fucking Republic I give you complete permission to fucking cum all over my fucking 21st century paste my United States baby you wanna cum all over this pretty little America fucking glaze these Americans with your cum baby cover my Civil War with your spunk baby fucking cum all over this Cold War yeah cum on my Constitutional principles baby cum all over my fucking Berlin Wall splash my fucking 21st century baby fucking splash my September 11th 2001 with your fucking cum blast my al Qaeda with your fucking cum you stud oh yea cum on Afghanistan cum all over Iraq cover al Qaeda with your man milk baby cum all over my fucking al Qaeda splash my al Qaeda with your fucking cum oh yea fucking cum on Iraq I want you to cum on my Osama bin Laden cum on my pretty little Benghazi baby blast this little teenage Boston with your cum baby shoot your fucking load all over this pretty little 9/11 baby load my American with your cum baby give America that fucking load baby give it to America oh yea come on come on fucking cover my James Madison with your cum drop your fucking load all over my President baby what a load fucking cover al Qaeda with your fucking man spunk you stud oh yea come on squeeze it out every last drop oh yea cover Afghanistan with your fucking cum give Pakistan that man milk baby right here I can't wait to feel your cum all over my fucking Benghazi oh yea let me jerk you off onto my fucking Boston let me jerk that big cock all over my fucking 9/11 are you almost there you wanna cum all over my fucking al Qaeda cover me with that man gravy fucking spunk all over my Yemen baby I want your splooge on my Iraq oh my god cum all over my fucking Somalia baby oh yea blast North Africa

with that jizz baby jizz this Al Qaeda baby jizz my Arabian Peninsula you fucking asshole jizz my fucking AQAP you stud oh my god fucking cum all over this juicy AQAP jizz this teenage Christmas Day in 2009 fucking give me that fucking load all over my Arab World oh fuck yea baby fucking drop that load on Libya fucking cover my Syria with your fucking load you stud fuck yea jizz all over this sweet little 9/11 oh yeah you gonna jizz all over these Hizbollah baby oh fuck yea fuck yes fucking cum all over my fucking Benghazi you fucking stud oh my god drop that fucking load on my BP oil facility you fucker holy shit you think your going to cum all over my fucking Algeria do you you bet you are you fucking stud fucking do it cum all over The United States fucking cum come on baby do it oh yeah fucking drop your huge load all over my fucking Sikh Temple oh jesus fucking cum on my Wisconsin oh jesus fucking jizz on my Texas oh jesus fucking cum all over my fucking pretty little Federal Building let me stroke your jizz out onto my Oklahoma City baby fucking cum all over my fucking America cum on Fort Hood like the whore that I am splash this little Boston Marathon's face oh yea you fucking stud fucking splash my al Qaeda with that juice fucking cover 9/11 with fucking cum you stud load my 1980s with your cream baby cream this baby's Americans cum all over my Beirut mother fucker fucking cum on Lebanon cum on Berlin jizz all over my Pan Am Flight 103 and Lockerbie baby yea aim it at my fucking 1990s give it to The World Trade Center give it all to Saudi Arabia oh yea load up this Kenya with that splooge oh my god you gonna cum all over my 9/11 baby yea yeah cum all over Islam cum on come on cum all over my fucking United States load the West up with that jizz you pervert plaster this Muslim plaster this al Qaeda with your fucking goo goo my Afghanistan

Слова #16

крой слоем своего семени этих пакистанцев детка дай Йемену малафьи наполни мою АКАП наполни мою Африку ты жеребец покрой этот Сомали своей спермой мистер заряди мой аль Шабаб своей кончей ты хочешь кончить на этот маленький совсем юный Мали ты хочешь кончить на Аль-Каиду этой старой бляди ты хочешь кончить на Вмешательство Франции этой шлюхи хочешь кончить на Магриб этой маленькой шалавы покрой спермой Мали этой суки спусти на блядский Нью-Йорк о да блять спусти на Данию блять залей Германию своей кончей о да о мой бог я хочу чтобы ты кончил на Соединенное королевство даа кончи на Саудовскую Аравию ты ебаный извращенец обкончай Атлантику ты извращенец обкончай Аль-Каиду ты ебаный извращенец обкончай мой Сомали о даа давай мальчик давай о блять кончи на мой Йемен ты жеребец блять кончи на всю мою Америку кончи на мои Соединенные Штаты ублюдок обкончай мой Пакистан блядский урод спусти этот ебанный заряд на мой милый маленький военный спецназ ты ублюдок о да не кончай в Пакистан не кончай на пакистанскую общественность я хочу чтобы ты кончил на мои Соединенные Штаты давай ну же кончи на мою Аль-Каиду ты можешь сделать это о блять да даа ты блять собираешься кончить на мои ебаные Соединенные Штаты и международный закон спусти этот ебанный заряд на моего бин Ладена сладкий я хочу чувствовать твою сперму на своей Аль-Каиде я хочу чувствовать твою малафью на транспортной системе Соединенных Штатов да я хочу этого я хочу чувствовать твою семя на своих европейских городах прямо здесь детка о да ты блять меткий стрелок мудака о мой бог ты знаешь чего я хочу я хочу чтобы ты кончил на мою Америку прямо сейчас детка кончи на мой ебаный 9/11 эякулируй на мой Конгресс сладкий спусти на мои Соединенные штаты все так детка спусти этот горячий заряд на мою Аль-Каиду детка спусти этот горячий заряд на мой Талибан детка спусти этот горячий заряд на мою Америку детка спусти этот горячий заряд на законное требование моей Америки дай это политическому руководству президента ты можешь сделать это о да ха ха ха меткий выстрел ты знаешь куда я хочу чтобы ты направил свой заряд на мой Афганский театр военных действий пожалуйста кончи на мой 2014 сладкий пожалуйста кончи на всю мою ебаную Аль-Каиду детка дай 2014 этого мужского клея

заполни Аль-Каиду спермой наполни Аль-Каиду спермой на мою Америку детка покрой мою ебаную Америку этой вкусной спермой я хочу этой вкусной спермы я хочу комок этого вкусного семени я хочу вкусный комок сладкой спермы на своем американском народе взорви Соединенные Штаты своим мужским молоком еб твою мать стреляй по Соединенным Штатам этой ебаной спермой кончи на мой Афганистан ты ублюдок трахни меня даа еби меня пока не кончишь на мой Ирак спусти на Сану этот заряд наполни мой Кабул своим семенем кончи на мой Могадису и мусульман детка покрой мои Специальные операции этой сочной малафьей покрой Исламский мир этой сочной малафьей кончи на смертность Соединенных штатов спусти на Блэкхокс кончи на Аль-Каиду дай мне своей спермы залей спермой мою Америку покрой Вьетнам своим эякулятом детка ты хочешь стрелять по моему Ираку куда ты хочешь стрелять а по моему Афганистану детка спусти этот заряд на военные действия моих Соединенных штатов дай самый мощный выстрел по Конституции сладкий я готова детка взорви эти Соединенные Штаты своим зарядом о господи о выеби меня о мой бог ты собираешься кончить на моего Президента детка пали спермой по моему Ираку покрой этот Афганистан своим семенем прямо здесь детка о мой бог я думаю я хочу чтобы ты кончил на мой Конгресс да кончи на мой Конгресс давай урод сделай это покрой мою Америку спермой спусти на моих американских граждан сладкий бросай этот заряд прямо на Анвара аль-Авлаки детка бросай этот заряд прямо на мою АКАП обкончай этими сливками всех моих американских граждан залей своими сливками мою миленькую шлюшку Президента спусти свои сливки на эту зрелую крохотную почву Соединенных штатов смажь своей спермой пизду этих миленьких маленьких граждан Соединенных штатов стреляй этими сливками по гражданам Соединенных штатов малыш о мой бог я хочу этот заряд на мои Соединенные штаты залей кремовым эякулятом моего Анвара аль-Авлаки сладкий спусти на моего Фарук Абдулмуталлаба кончи на все мое Рождество ты придурок кончи на мою Америку

baby plaster this Afghan with that spunk oh yea I'm ready for a fucking spunk-mouth baby fucking unload that man milk all over my al Qaeda cover me cover this pretty little Afghanistan with your pearls baby oh my fucking god I want your cum all over my America coat these Pakistani with your wad baby give Yemen that wad load up my AQAP baby load up my Africa you stud cover this Somalia with that cum of yours mister fucking load up my al Shabaab with that jizz you gonna cum on this little teenage Mali you gonna cum on this cougar's al Qaeda you gonna cum on this whore's French-led intervention you gonna cum on this little slut's Maghreb cover this slut's Mali jizz on this slut's New York oh yea fucking jizz Denmark fucking glaze my Germany with that load oh yea oh my fucking god I want you to cum on my United Kingdom yeah cum on my Saudi Arabia you fucking pervert jizz on the Atlantic you perv jizz on Al Qaeda you fucking perv jizz my Somalia oh yeah get it boy get it oh fucking cum on my Yemen you stud fucking cum all over my America cum on my U.S. motherfucker jizz on my Pakistan motherfucker coat my Osama bin Laden motherfucker unleash that fucking load on my pretty little Special Forces you motherfucker oh yea don't cum in Pakistan don't cum in the Pakistani public I want it on my United States come on get it cum on my al Qaeda you can do it oh fuck yea yea your gonna fucking cum on my fucking U.S. and international law unleash that fucking load onto my bin Laden babe I want to feel your cum on my al Qaeda I want to feel your jizz on my al Qaeda I want to feel your sploodge on my U.S. transit systems yea I want it I want to feel your goo on my European cities right here baby oh yea good fucking aim asshole oh my god you know what I want you to cum on my America that's right baby cum on my fucking 9/11 ejaculate on my Congress baby spend on my United States baby blow that hot load all over my al Qaeda baby blow that hot load all over my Taliban baby blow that hot load all over my Americans baby blow that load on my America's legitimate claim give it to Presidential Policy Guid-

ance you can do it oh yea ha ha ha good aim you know where I want that load on my Afghan war theater please cum on my 2014 baby please cum all over my fucking al Qaeda baby give 2014 that man glue give al Qaeda that man wad give al Qaeda that man wad on my America baby cover my fucking America with that tasty wad I want that tasty cum I want that tasty wad of sweet cum on my American people blast the U.S. with your man milk holy shit give U.S. strikes that fucking jizz cum on my Afghanistan you fucker fuck me yeah fuck me till you cum on my Iraq give Sana'a that load load up my Kabul with your seed spunk my Mogadishu and Muslims baby cover my Special Operations with that juicy spunk cover my Muslim world with that juicy spunk jizz U.S. deaths cum Blackhawks sploodge al Qaeda give me your sperm sperm my America baby coat Vietnam with your ejaculate babe you wanna pop on my Iraq where do you wanna pop huh on my Afghanistan yea baby pop that load on my U.S. military action give me that money shot on the Constitution babe I'm ready baby blast these United States with that load oh Jesus oh fuck me oh my god you gonna cum on my President babe pop that jizz on my Iraq cover this Afghanistan with your cum right here babe oh my god I think I want you to cum on my Congress yeah cum on my Congress do it asshole cover my America with cum blow that cum onto my American citizens babe drop that load right on Anwar Awlaki babe drop that load all over my AQAP blow that wad of cream onto my U.S. citizens cream my pretty little whore President cream this cougar's pretty little U.S. soil cream this slut's pretty little U.S. citizen blast that cream onto my U.S. citizens babe oh my god I want that load on my United States man-cream my Anwar Awlaki babe man-cream my Farouk Abdulmutallab cum all over my Christmas Day you jerk man-cream my America

Слова #16

Работы Агама Андреаса

Works by Agam Andreas

Слова #16

Работы Джона М. Беннетта

Works by john M. Bennett

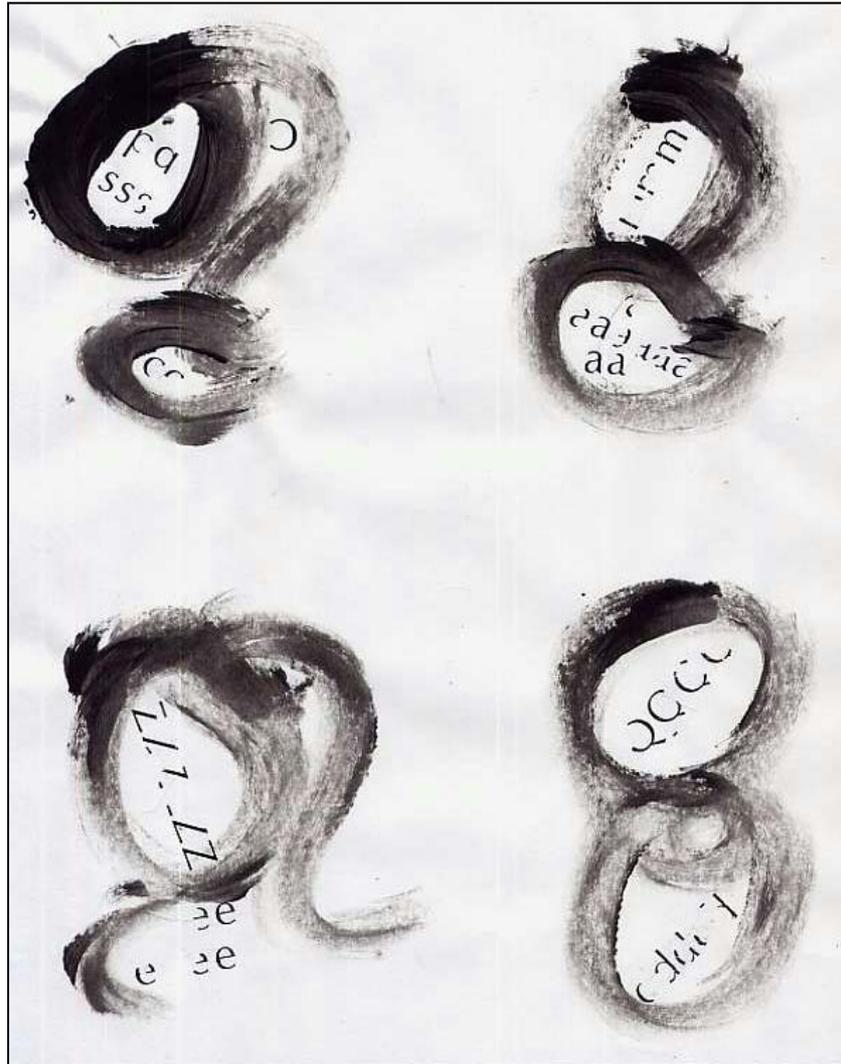
Слова #16

Слова #16

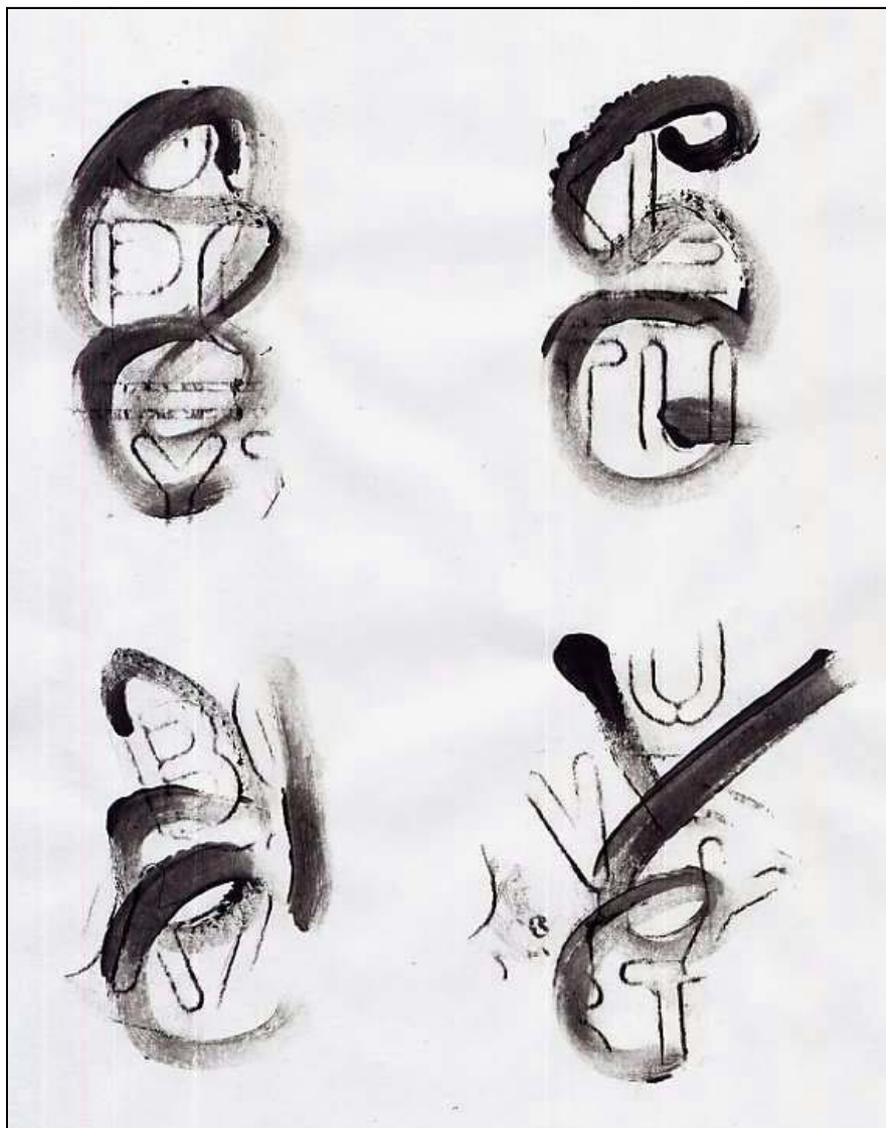
Джим Лефтович. Визуальные тексты

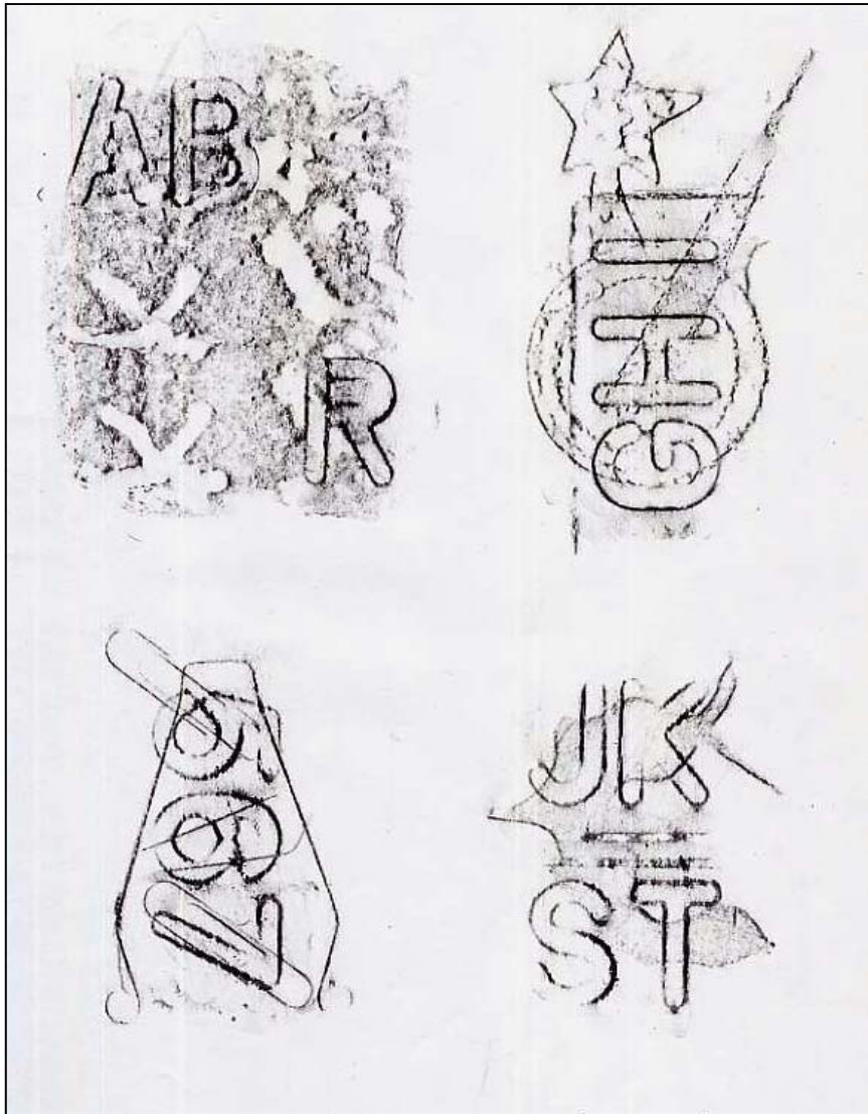

Jim Leftwich. Visual texts

Слова #16

Джеймс Боун. Батай и Буккаке: Символическое человеческое жертвоприношение в японской порнографии

Перевод с английского Ноа Шикльзрубера

В философской системе Жоржа Батая постоянно подчеркивается свойственная человеку потребность возвращения к непрерывному существованию, жажда единства с всеобщим бытием, которое достигается через производство сакрального в акте трансгрессии. Высшая форма трансгрессии, существующая в предельном акте непродуцированной, бесполезной ярости, для Батая предстает в форме ритуализированного человеческого жертвоприношения. Однако человеческое жертвоприношение не обязательно должно сохранять одну и ту же определенную форму, и может выражаться в иных символических версиях, неизвестных Батаю, иных настолько, что снимается необходимость физической смерти, при условии, что оно действует как средство ускользания от требований выживания, воспроизводства и социальных стандартов профанного мира. По словам Батая, «приносить в жертву, значит, не убивать, а оставлять и дарить»[1]. Я утверждаю, что одной из подобных форм жертвоприношения является особая практика группового секса, возникшая в Японии и японской порнографии, известная как буккаке. Несмотря на то, что буккаке (определение приводится ниже) не существовало при жизни Батая (1897 – 1962), оно содержит в себе почти все ключевые элементы человеческого жертвоприношения, соответствующие модели Батая. Будучи формой эротической трансгрессии, которая в действительности позволяет достичь области сакрального через нарушение социальных запретов, буккаке, этот интенсивный сексуальный акт, служит попыткой прекращения дискретного существования и может даже открыть для участников внутренний опыт.

Таким образом, перед нами встает непосредственная необходимость выяснить, что определяет буккаке как предмет исследования. Как говорилось ранее, она представляет собой форму группового секса, с тем важным отличием, что обычно буккаке исключает вагинальный или анальный коитус. Выражаясь буквально, то, что происходит при буккаке – процессуальная, методичная, организованная и ритуализированная эякуляция на лицо, тело и рот мишени, которой обычно выступает женщина. Эта церемония, парадоксальным образом соответствующая батаевской модели, к тому же чрезвычайно хаотична и интенсивна в своем воплощении. Число участвующих мужчин редко бывает меньше двенадцати, также встречается число участников и в десять раз большее. Практика характеризуется своей избыточностью и степенью, в которой союз мужчин разделяет свою общность, единение с жертвой. Согласно мифу, источник которого неизвестен и чья достоверность повсеместно ставится под сомнение, буккаке был формой наказания в феодальной Японии, карающей женщин, которые были уличены в супружеской измене. При этом мужчины, принадлежащие к некоторому сообществу, (например, жители одной деревни), должны были по очереди эякулировать на женщину[2]. Однако большинство источников указывают, что буккаке возник в японской порнографии в конце 1980-х - в начале 1990-х годов. Тем не менее, целью данного акта, по всей видимости, все же является унижение, карающее незначительную супружескую провинность тем, что может быть воспринято только как крайняя форма адюльтера. Возможно, в этой практике присутствует что-то помимо простого

James Bone. Bataille and Bukkake: Symbolic Human Sacrifice in Japanese Pornography

Georges Bataille's philosophical system constantly emphasizes the human need to return to a continuous existence, a one-ness with universal being, which was achieved through the production of the sacred in an act of transgression. The highest form of transgression, in being the ultimate act of unproductive violence, for Bataille, came in the form of highly ritualistic human sacrifice. Human sacrifice, however, need not remain in one distinct form, and could morph into symbolic versions unknown to Bataille, even to the point of no longer requiring any physical death, so long as it still acts as a means to escape the survivalism, production, and societal demands of the profane world. At its most basic form, Bataille writes that "To sacrifice is not to kill but to relinquish and to give."{{1}} One such adaptation, I will argue, is a type of group sex originating in Japan and Japanese pornography known as bukkake. Though non-existent during Bataille's lifetime (1897 – 1962), the practice of bukkake (defined below) contains nearly all the essential elements of human sacrifice according to Bataille's model, in being an erotic transgression that indeed produces the sacred through a violation of a societal prohibition in this intensely sexual act, as well as attempting to cease discontinuous existence, and can even reveals an inner experience for the participants.

It is thus an immediate necessity to define what constitutes bukkake as a practice to be

studied. As before, this is a form of group sex, but is highly distinct in that it generally contains no actual intercourse, vaginal or anal. In the most literal terms, what occurs in bukkake is a procession, methodic, orderly and ritualistic, of men ejaculating on the face, body, and into the mouth of a single, usually female, target. This procession, in a paradox appropriate to Bataille, is also very chaotic, and forceful in their act. The number of men participating rarely goes below twenty, and it is not uncommon for the number to be ten times that. The practice is defined by its excessiveness, and the degree to which a whole congregation of men share communion with their sacrificial victim. According to a myth of unknown origin, and almost universally disputed authenticity, bukkake was a form of punishment in feudal Japan intended to punish women caught in adulterous affairs, such that every man in the community or village would then consecutively ejaculate on her.{{2}} However, most sources point to bukkake as emerging in Japanese pornography at the end of the 1980s and early 1990s. Nonetheless, the purpose is still ostensibly humiliation, punishing minor adultery with what can only be perceived as extreme adultery. Yet, perhaps there is more to the practice than simple humiliation, as erotic humiliation need not involve such a large, and importantly, communal effort.

The actual process of bukkake can be related to 'The Sacrifice of the Gibbon' in Bataille's 'The

акта унижения, так как эротическое унижение не нуждается в привлечении таких значительных коллективных усилий.

Непосредственный процесс буккаке соотносится с событиями рассказов Батая

«Жертвоприношение гиббона», «Теменной глаз» и других его художественных произведений. Взятые на сами по себе происходящие действия, а именно почти полное утопление в семени при буккаке и погребение живьем в «Жертвоприношении гиббона», доходят до абсурда, и при этом все больше и больше людей считают необходимым присоединиться к этим занятиям. В зените этих двух событий мы видим отчетливую репрезентацию батаевской идеи контагиозной коллективной «потери себя». В «Истории глаза» главные герои одержимы физиологическими жидкостями, такими как семенная жидкость или моча, которые выступают в качестве средств возвращения к океанической непрерывности, и, более того, рассказчик даже эякулирует Симоне на лицо в одной из сцен[3]. В эссе «Потребительская стоимость Д.А.Ф. де Сада» Батай также отмечает, что главный способ разомкнуть, разорвать мир вещей лежит через присвоение посредством перорального потребления. Кроме того, такое употребление может быть даже сакральным при условии, что «пища» (Батай пишет о человеческих выделениях, таких как сперма, менструальная кровь и т.д.) сохраняет свое ритуальное качество[4].

Японские правовые нормы об ответственности за непристойное поведение настолько строги в отношении наготы, что даже в откровенной порнографии лобок и гениталии обоих полов должны быть скрыты или затемнены[5]. По этой причине и учитывая, что демонстрация лобковых волос рассматривается как непристойность, границы того, что составляет трансгрессию, устанавливаются очень жестко. Основные правовые нормы, касающиеся непристойного, были впервые установлены в 1907 году и заново утверждены в 1964 г. после конституционного упразднения государ-

ственной цензуры в 1947 г. Согласно техническому определению, непристойностью считается всё, что осуществляется с целью вызвать чувства "стыда и отвращения". Утвержденный заново закон использовался в 1969 году для привлечения к ответственности издателя перевода работ Маркиза де Сада, что можно считать проявлением желания японской элиты принудить общество к исполнению социальных норм. Наряду с провкацией стыда и отвращения непристойным признается все, что "противоречит понятиям о морали и нравственности в отношении секса" или, по крайней мере, то, что противоречит им с точки зрения судей. Как утверждает Чин Ким, таким образом формируются социальные нормы, в которых «для общественного благополучия представления сохраняющегося сексуального порядка имеют преимущество над свободой слова»[6]. В делах, рассматривавшийся в Верховном суде Японии, буквальное толкование закона как правило одерживало верх над идеей свободы слова. При этом судьям вменялась в обязанность защита общества от непристойного, так как «защита стандартов общественного благополучия является первостепенной задачей судов»[7]. Что касается повседневной жизни в профанном мире японцев, позиция судей может даже быть вообще неуместной. Согласно данным Института Статистической Математики Токио, по результатам пятилетних исследований «Японского национального характера», с 1953 года доля японцев, выступающих за сохранение традиционных ценностей и систему сложившихся и поддерживаемых запретов, не изменилась[8].

То, что буккаке подходит под определение перверсии, почти самоочевидно; как убедительно показала Линда Уильямс, необходимость зрелищного визуального ряда явилась причиной крайних порнографических перверсий, moneyshot[9], или изображения эякуляции не только в гениталии партнера. Как утверждает Уильямс, этот акт занимает исключительное положение, являясь кульминационным моментом

Pineal Eye' and Bataille's other fiction. When taken at the base level, the actions occurring in both, the near-drowning in semen in bukkake and live burial in 'The Sacrifice of the Gibbon,' reach a level of absurdity, and yet more and more people feel compelled to join the activity. At the zenith of these two events we see a clear representation of Bataille's conception of contagion and communal self-loss. In 'The Story of the Eye,' the characters are obsessed with bodily fluids, with liquids such as semen and urine seen as a means of returning to the oceanic continuity, and indeed the narrator even comes on Simone's face in one scene.{{3}} Bataille also notes in one non-fiction piece, 'Use-Value of D.A.F. de Sade,' that a primary means to rupture the world of things is through appropriation via oral consumption. In addition, this consumption can even be sacrificial so long as the 'food' (he is writing in terms of human excrements such as sperm, menstrual blood, etc.) retains its ritual quality.{{4}}

Japan's obscenity laws dictate very strict allowances for nudity, such that even in that which is explicitly pornographic the pubis and genitalia of both sexes must be obscured.{{5}} As such, with the showing of pubic hair being considered obscene, the boundaries of what constitutes transgression are set very tight. The basic obscenity law was first instituted in 1907, but was reaffirmed in 1964, even after the 1947 Constitution abolished state-censorship. What is obscene, by technical definition, is that which purposely arouses feelings of 'shame and disgust.' The reaffirmed law was used in 1969 to prosecute the publisher of a translated work by the Marquis de Sade, thereby showing the dedication the Japanese elite have for enforcement of societal norms. Along with eliciting shame

and disgust, anything held to be 'counter to good moral concepts regarding sex,' or at least what the judges believe the morality of the masses to be towards such, is obscene. As Chin Kim states, this establishes societal norms in which "freedom of expression is preempted by the concept of maintaining sexual order for public welfare."{{6}} In the cases brought before Japan's high courts, it has been the letter of the law which has won out over ideas of free expression, with the judges being given the explicit duty of curing society of obscenity, as "The public welfare standard is the supreme judicial consideration."{{7}} When it comes to daily life in the profane world of the Japanese, the position of the judges may not even be entirely off base, as according to the Institute of Statistical Mathematics in Tokyo, based on quinquennial studies of 'Japanese national character,' there has been no appreciable change to the desire to maintain traditional values since 1953, clearly establishing a system of entrenched and supported prohibitions.{{8}}

That bukkake qualifies as a perversion is nearly self-evident; as Linda Williams has argued, the need for a visual spectacle has been the cause for the ultimate pornographic perversion, 'the money shot,' or the image of a male ejaculating in a place other than the genitals of the sexual partner. As Williams states, this act is given the position of being the climactic finale of a sexual conquest, and yet, "this aim quite literally miss[es] its mark."{{9}} The 'money shot' is thus ultimately perverse in deflecting the natural final-end of sex, and as bukkake is often nothing more than a series of money shots, its perceived perversion and nausea eliciting effect grows exponentially.

Therefore, while bukkake is unavoidably a

Слова #16

сексуального завоевания и «его цель в буквальном смысле заключается не в том, чтобы попасть в цель»^[10]. Moneyshot, таким образом, представляет собой крайнюю перверсию, отклонение от естественного завершения сексуального акта, и так как буккаке является чаще всего ничем иным, как серией moneyshots, это осознанная перверсия – и тошнотворный эффект увеличивается экспоненциально.

Поэтому Буккаке можно с уверенностью считать трансгрессией японских правовых норм, касающихся вопросов общественной морали, в связи с этим, интересно высказывание Батая: «Сакральный мир открыт для ограниченной трансгрессии»^[11]. Далее, человеческие общества слепы к тому, что переходит границы выживания, мы стремимся к непрерывному дискретному существованию и, таким образом, обладаем профанным миром, ценности которого работают. При сохранении подобного отношения существуют запреты на акты жестокости и секса, которые могут угрожать «благоразумию» общества. Но, согласно Джозефу Либертсону, в системе Батая в день празднества «то, что было запрещено, разрешается или даже требуется»^[12] – необходимо совершить трату посредством трансгрессии. Либертсон утверждает, что запреты в человеческих сообществах готовят, призывают и даже усугбляют то самое насилие, которое они явным образом стараются сделать недоступным, недопустимым. Как пишет Батай, «нет запрета, который не мог бы быть преодолен... На и то запрет, чтобы его нарушать»^[13]. Позднее в «Слезях Эроса» Батай отмечал, «запрет придает тому, что под него попадает, определенный смысл, которого само по себе запрещенное действие не имело. Запрет принуждает к нарушению запрета, к его преодолению, к трансгрессии, без чего бы запрещенное действие утратило бы зловеющий и обольстительный облик»^[14]. Запрет в батаевской системе фактически рассматривается как фундамент, составляющий основу сакрального мира^[15]. Взрыв трансгрессии во время праздника не обязательно дол-

жен быть совершенно спонтанным, судорожным, конечно, исход его рационально не прогнозируем, он безрасчетен, но трансгрессии подобные буккаке – такие как войны, оргии и жертвоприношения – остаются «организованными»^[16].

В книге Ричарда МакГрегора «Японские качели» экономический коллапс в Японии конца 1980-х – начала 1990-х (этот период совпадает с появлением буккаке) рассматривается как катализатор культурных трансформаций. Не касаясь буккаке напрямую, МакГрегор отмечает, что в порнографических фильмах, снятых за последние 15 лет, наблюдалось изменение женских ролей на крайне пассивные, так как мужчины стремились к самоутверждению, экономическая нестабильность попирала их маскулинность. О японской порнографии последних лет МакГрегор пишет: «Две реплики, используемые большинством порно-актрис, это yamate (прекрати) и itai (больно). В этих сценах женщина предстает перед зрителем скорее обманутой и слабой, чем уверенной и сильной»^[17].

Примечательно, что Батай приводит множество классических примеров экстремальных проявлений трансгрессии, происходящей в ситуации социального распада, таких как смерть вождя на островах Фиджи^[18]. Внутренняя неаутентичность практики буккаке в том смысле, что оно изобретено недавно, не так важна для нашего понимания ее в качестве трансгрессивного акта. Батай пишет о религиозных церемониях искусственных по своей сути – «Драматизация присуща всякой религии... Мы не могли бы покидать себя, если бы не умели драматизировать»^[19]. Более того, Пол Хегарти утверждает: «для Батая все, что у нас есть, это мифы, и мифы превосходят по значимости истину, в том плане, что они не являются фактическими утверждениями, но являются утверждениями сообщества»^[20].

Все это не означает, что буккаке не практикуется в Северной Америке или Европе. В действительности к сегодняшнему дню оно было успешно импортировано, хотя и с некоторыми значительными изменениями.

transgression of Japanese obscenity law, Bataille writes, “The sacred world depends on limited acts of transgression.”^[10] Further, human societies are blind to that which transcends survival, we pursue a continued discontinuous existence, and thus have a profane world which values work. To maintain such, there are prohibitions on acts of violence and sexuality that might threaten the ‘reason’ of society. But, according to Joseph Libertson, in the Bataillan system, on the day of the festival, “that which was prohibited is permitted or even demanded,”^[11] in a haste to create loss through transgression. Libertson posits that the prohibitions of human societies prepare, invoke, and even ‘participate in’ the violence that they overtly seek to render inaccessible. As Bataille writes, “There exists no prohibition that cannot be transgressed ... The taboo is there in order to be violated.”^[12] Later, in ‘The Tears of Eros’ Bataille wrote, “Prohibition gives to what it proscribes a meaning that in itself the prohibited action never had. A prohibited act invites transgression, without which the act would not have the wicked glow which is so seductive.”^[13] As such, prohibition is seen as creating the ultimate grounding of the sacred world in Bataillan thought.^[14] The explosion of transgression at the time of the festival need not even be entirely spontaneous, certainly the outcome is not rationally calculated, but transgressions like bukkake, such as war, orgy, and sacrifice, according to Bataille, are still ‘organized explosions.’^[15]

In Richard McGregor’s book, *Japan Swings*, the effect of the economic collapse in Japan during the late 1980s and early 1990s, the same timeframe as the appearance of bukkake, is explored as a cultural catalyst. While not

dealing with bukkake itself, McGregor notes that in the pornography Japan made in the last fifteen years there has been a reversion to women taking very passive roles, as men take to reasserting their position in a time when economic instability had usurped their masculinity. As McGregor notes of recent Japanese pornography, “The two lines used by most AV [adult video] actresses are *yamate* (stop it), and *itai* (it hurts), and in acting them out, the women appear more ensnared and impaired than empowered.”^[16]

Interestingly, Bataille notes that many classical examples of extreme transgression occurred in the context of societal decay, such as in the death of a Fiji Islands chief.^[17] The intrinsic inauthenticity of bukkake, in the sense that its origins are a recent fabrication, may be unimportant to our understanding of it. As Bataille writes on the inherently fake ceremonies of religion, “In all religion dramatization is essential ... If we didn’t know how to dramatize, we wouldn’t be able to leave ourselves.”^[18] Moreover, Paul Hegarty argues, “for Bataille all we have are myths, and myths are superior to truth, in that they are not statements of fact but statements of community.”^[19]

All this is not to say that bukkake does not occur in North America and Europe, in fact it has been imported quite successfully thus far, though with some notable modifications. Most importantly is the lack of the element of humiliation, with bukkake portrayed as enjoyable even for the ‘victim,’ though it must be remembered that humiliation is not a primary characteristic of Bataillan sacrifice. Exemplifying the ability for a woman to take pleasure in such obvious degradation is Catherine Millet, who in her sexual autobiography shows no humiliation in wanting

Что наиболее важно, так это отсутствие элемента унижения, без которого буккаке изображается как приятное даже для «жертвы» событие (хотя нужно помнить, что унижение не является главной чертой батаевского жертвоприношения). Примером того, как женщина способна получать удовольствие от подобного рода действий, служит сексуальная автобиография Катерин Миле. Автор показывает, нет ничего унижительного в том, чтобы быть сексуальным объектом для нескольких мужчин одновременно{{[21]}. Жан-Люк Нанси отмечает, что главной чертой жертвоприношения в западноевропейской традиции является самопожертвование, иллюстрируя это примерами Иисуса и Сократа {{[22]}. Таким образом, здесь наблюдается параллель с западным буккаке как с более свободным, добровольным актом со стороны объекта, что можно также увидеть в интервью Энтони Петкович с Сабриной Джейд, которая недавно впервые попробовала буккаке{{[23]}. В этой статье Петкович раскрывает некий элемент внутреннего опыта, переживаемый участниками буккаке. Рассматривая ситуацию, когда участник буккаке, занимавшийся оральным сексом с Сабриной Джейд в течение съемок, затем излил некоторое количество спермы на ее вагину, она отмечает, перефразируя позднего Сида Вишеза, «похоже, буккаке – это единственное место, где ты можешь быть откровенным с собой без всяких препятствий». В одной из своих работ Ницше отождествляет великое и возвышенное чувство потери себя, то, что у Батая составляет внутренний опыт, с океаном, а самое важное – призывает нас стать этим океаном{{[24]}. Батай характеризует опыт жреца в течение ритуала так: «жрецу требуется жертвоприношение, чтобы отделить себя от мира вещей...»{{[25]}.

Согласно Фрейду, в развитых культурах все мужчины ощущают, что женщины сковывают их сексуальность, женщины, которых они уважают, например мать или жена. Таким образом, сексуальная свобода, в особенности сексуальные наклонности и жела-

ния, определяемые как перверсии, требуют подчинения сексуального объекта, то есть женщины, причем такой, которую мужчина не уважает, и которая не может критиковать его за те или иные сексуальные практики. «Благовоспитанной» жены в таком случае не достаточно{{[26]}. Примечательно, что это объяснение полностью согласуется с мифом о возникновении практики буккаке как карающей женщины за супружескую измену. Батай пишет, «жертвоприношение возвращает в мир сакрального то, что принижено, профанировано рабским использованием»{{[27]}. Буккаке в таком случае может рассматриваться как форма искупления, так как женщина, живущая в профанном мире, осквернена жизнью в этом мире, через данную практику, по сути – сакральный ритуал, восстанавливает священный статус женской сексуальности. Жертвоприношение, даже человеческое жертвоприношение, согласно Батаю, не требует буквального уничтожения приносимого в жертву объекта. Все, что необходимо – это удаление объекта из профанного мира вещей. Фактически, как пишет Батай, «оно [жертвоприношение] редко доходит до степени холокоста»{{[28]}

Описывая сакральные ритуалы, Батай обращается к идее круга, как в буквальном смысле ритуального круга, в котором происходит жертвоприношение, так и в смысле круга непрерывного существования. Здесь прослеживается параллель с практикой буккаке, осуществляющейся в кругу. В разомкнутом кругу буккаке женщина является единственной фигурой, которая всегда на виду, единственным запоминающимся участником, она священна. В связи с этим интересно замечание Ричарда МакГрегора о том, что мужчина в японской порнографии играет даже меньшую по значимости роль, чем мужчина в североамериканском порно. Батай также пишет, что женщины в эротике в целом занимают положение привилегированных объектов желания, так как обычно мужчинам принадлежит инициатива, а не наоборот{{[29]}.

to be the sexual object for numerous men simultaneously.[20] Jean-Luc Nancy notes that the primary characteristic of sacrifice in the Western tradition is that it is self-sacrifice, which he illustrates through the examples of Jesus and Socrates.[21] Thus there is a parallel here seen with Western bukkake as a more voluntary act on the part of the object, as can be seen in Anthony Petkovich's interview with bukkake newcomer, Sabrina Jayde.[22] In the same article, Petkovich reveals something of an inner experience among the participants in the bukkake, paraphrasing the late Sid Vicious in the case of Vinnie, a bukkake participant who performed oral sex on Sabrina Jayde during filming even after some amount of semen had dripped onto her vagina, saying that "A bukkake like this one's the only place where he can truly be himself – without any hassles. Nietzsche, in one fragment, equated the great and sublime feelings of the loss of self, Bataille's inner experience, to an ocean, and most importantly, instructed us to "be that ocean." [23] As Bataille writes on the experience of the sacrificer during the ritual, "The sacrificer needs the sacrifice in order to separate himself from the world of things...", [24] with such need evident in the above case of Vinnie.

According to Freud, all men feel their sexual potency hampered by the women they respect, such as the mother or a wife of high culture. As such, full sexual expression, especially sexual aims defined as perverse, require a sexual object inferior to the man, a woman to whom he owes no respect, and who cannot criticize him for his practices. A 'well-brought-up' wife will simply not suffice.[25] Interestingly, this plays entirely into the bukkake origins myth concerning adulterous women. Bataille writes, "Sacrifice

restores to the sacred world that which servile use has degraded, rendered profane." [26] The bukkake can thus be seen as a form of penance, as the woman who lives in the profane world loses her purity to due this existence, and thus can be restored to a sacred status of preserved feminine sexuality in what is in essence a sacrificial ritual. A sacrifice, even a human sacrifice, according to Bataille, need not literally destroy the sacrificed thing; all that need be accomplished is a removal of the object from the profane world of things.

In fact, as Bataille writes, "it [sacrifice] rarely goes to the point of holocaust." [27]

The sacrificial ritual is described by Bataille in terms of a circle, in both the literal ritual circle in which the sacrifice occurs and a return to the circle of continuous existence, which is like unto the bukkake, which also transpires in a circle. In this destruction of the bukkake circle the woman is the only figure constantly seen, the only memorable character; she is the sacred. The men involved are the profane, their orderly households equally profane. Richard McGregor thus notes that men in Japanese pornography merit even less credit than is given to men in North American pornography. Bataille also writes that, in general, women are given a position in the erotic as the privileged objects of desire, as the man pursues the woman more commonly than vice versa. [28]

Michel Foucault's 'Surveiller et Punir: Naissance de la Prison' spares no details in purposefully evoking disgust and nausea in its readers through the description of acts of ritual cruelty, yet as James Miller notes, there concurrently exists a 'perverse fascination' with the details. Similarly, Miller writes that in Nietzsche's 'Thus Spoke Zarathustra,' Nietzsche posits that man is

«Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» Мишеля Фуко не обходится без деталей, целенаправленно вызывающих отвращение и тошноту у читателей, в описаниях актов ритуальной жестокости, при этом, как отмечает Джеймс Миллер, подробности излагаются с «извращенной увлеченностью». Подобным образом, по словам Миллера, в «Так говорил Заратустра» Ницше утверждает, что человек – это не просто самое жестокое животное, его высшее наслаждение заключается в практике жестокости, удовольствие от власти – это искусная жестокость. Согласно Ницше она занимает место среди старейших праздничных радостей. пытки, с точки зрения Фуко, это не слепая дикость, а хорошо разработанная практика, которая подчиняется строгим правилам для достижения своей роскоши и великолепия. Как мы наблюдаем и в случае буккаке, Фуко представляет пытку как ситуацию, в которой жертва становится священной для толпы, героем, которого неминуемая гибель наделяет правом нарушать любые профанные нормы общества. Возникновение запрета на пытки, согласно миллеровскому прочтению Фуко, создает общество по видимости покорное, но скрыто содержащее в себе тела, в которых заперта жестокость, тела, заключающие в себе «пролиферацию перверсий». Таким образом, когда пытки, как они есть, перестают быть публичными, они начинают проявляться на уровне персональных жестоких сексуальных маний таких, как буккаке{{30}}.

Батай, согласно собственному пониманию ярости, утверждает что каждый способен на жестокое поведение, боль определяет нас как людей, и в то время, пока «тысячи препятствий» могут затруднять реализацию нашего желания причинять вред, оно никогда не оказывается за пределами возможного. По словам Батая, режим существования человечества характеризуется крайностями порядка и насилия. Один и тот же человек, может проявлять добро и заботу о своем сообществе, но также и «жесть и грабить, убивать, насильничать и пытаться. Разуму противостоит экс-

цесс»{{31}}. По существу ярлыки, такие как «цивилизация», «варварство» оказываются неприменимы в той степени, в которой принято считать, что цивилизация и варварство не могут сосуществовать в одном обществе одновременно. Батай обнаруживает попытки, возможно, непредумышленные, снятия барьера между этими понятиями в творчестве де Сада, где жестокость осмысливается как продукт «осознанной воли к насилию». Аргумент Батая заключается в том, что, сознавая собственную жестокость, мы не можем поставить неистовство и бесчувственность на службу разуму, и, поскольку «ярость составляет душу эротики»{{32}}, эротика должна находиться за пределами рационального рассмотрения, должна быть слита с яростью, жестокостью и трансгрессией. Профанный человек в буккаке – это обычный человек; обычный человек стремится подчинить свою ярость – по словам Батая, «теперь нормальный человек знает, что его сознание должно было раскрыться яростнее всего возмущавшему его – тому, что яростнее всего возмущает нас, таясь в нас самих»{{33}}. Наконец, выводом и в равной степени главной мыслью является то, что участники буккаке можно сравнить с участниками дионисийских оргий, как их описывают Ницше и Батай, причем в этих оргиях зачастую принимало участие большое количество рабов и представителей низших социальных классов{{34}}.

В батаевском человеческом жертвоприношении наиболее часто раб является той полезной вещью, которая удаляется из профанного мира – не роскошный король (бесполезный a priori) и не вождь. В буккаке подобным образом жертвой является тот, кто мог бы быть полезен в отношении как биологического, так и идеологического воспроизводства, то есть женщиной, которая в японском обществе подобна рабу. Фактически ее жертвоприношение может обеспечивать идеологическое воспроизводство социального порядка. Эта бесполезная трата полезной персоны и, как пишет Батай, «это радикальнейшее опровержение

not only the cruelest animal, but also that the highest gratification comes from the practice of cruelty; power enjoyed is cruelty practiced. Cruelty, according to Nietzsche, is among the oldest 'festive joys.' The practice of torture, in Foucault's view, is not blind savagery, but in fact a practice that obeys strict rules to achieve its full splendor. As with bukkake, Foucault presents torture as a situation in which the victim became sacred to the crowd, a hero who because of his imminent destruction was free to transgress any profane norm of the society. The creation of prohibitions on torture, according to Miller's reading of Foucault, creates a society that is overtly docile, but latently constituted by bodies that lacking any outlet for their cruelty embrace a 'proliferation of perversions.' Thus when literal torture is no longer displayed publicly it manifests in individuals as violent sexual obsessions, such as bukkake.{{29}}

From Bataille's perspective on cruelty, he states that everyone is capable on inflicting cruelty, pain defines us as human, and while 'a thousand obstacles' may impede one's desire to harm, it is never beyond possibility. According to Bataille, humanity's mode of existence is characterized by the extremes of order and violence. The same men who are kind and concerned for their society can be bought to "practice pillage and arson, murder, violence, and torture.

Excess contrasts with reason."{{30}} As such, labels like civilization and barbarism are invalid to the extent that it is assumed that one can not be both. Bataille recognizes the attempt, perhaps unintentional, to dissolve the barrier between these terms in the writings of de Sade, in which, violence is reflected upon as the product of a 'rationalized will to violence.' Bataille's ar-

gument is that in being conscious of our violence, we cannot engage the frenzy and senselessness that epitomizes violence, and as "Violence is the core of eroticism,"{{31}} the erotic must be both beyond conscious consideration and infused with violence, violation and transgression. The profane men in bukkake are average men; average men engaging their violence as echoed by Bataille's writing that "Now the average man knows that he must become aware of the things which repel him most violently – those things ... are part of our nature."{{32}} Finally, the inclusion, and primacy even, of commoners in bukkake can be compared to the description of the Dionysian orgies in the thought of Bataille and Nietzsche, orgies that, according to Bataille, often included large numbers of slaves and lower plebians.{{33}}

In Bataillan human sacrifice the useful thing removed from the profane world is most commonly the slave, not the luxurious king (being useless a priori) or master. Likewise, in bukkake the victim is one who would be useful to society in biological as well as ideological reproduction, and as a woman, is like unto a slave in Japanese society. In fact, it may be her sacrifice that provides for the ideological reproduction of the social order. This profitless destruction of a useful person, Bataille writes, "is the most radical contestation of the primacy of utility. It is at the same time the highest degree of an unleashing of internal violence."{{34}} Bataille wrote that the fascination we have with sacrifice comes because of our persistent desire from childhood to see the ubiquitous and suffocating social order upset, if only temporarily. While sacrifice and bukkake do indeed upset the social order, at the same time they entrench it even firmer in profane life by discriminating the profane from the sacred.{{35}}

примата пользы. Одновременно это высшая степень разгула внутринаправленного насилия»[35]. Батай утверждает, что причина, по которой жертвоприношение нас завораживает, заключается в нашем упорном желании с самого детства видеть крушение удушающего общепринятого социального порядка, но только на время. Жертвоприношение и буккаке действительно переворачивают общественный порядок, но в то же время и укрепляют его в профанной жизни путем различения профанного и сакрального[36].

В батаевском толковании ацтекского мифа о создании солнца и луны боги, которые были принесены в жертву, согласились на это, поскольку этого требовало их сообщество. Таким образом, жертвоприношение возможно только при условии общественной потребности в жертвоприношении, как в случае буккаке жертва занимает пассивную роль и отдает себя ритуалу по требованию общества[37]. Как и в человеческом жертвоприношении ацтеков, объект буккаке зарабатывает почтение и глубокое уважение среди сообщества, проводящего ритуал. Однако необходимо отметить, что жертвы ацтеков в основном не были членами сообщества, совершающего жертвоприношение, до момента заклания, подобно женщине, изменяющей мужу, в мифе о буккаке, эти жертвы становились врагами общества в условиях различных войн[38].

Современная практика буккаке отражает батаевский образ праздника, когда мужчины собираются в «стремлении к разрушению» для обретения опыта священного единения, общего участия в жертвоприношении. Согласно Джозефу Либертсону, для Батая онтологическое значение жертвоприношения заключается в «прямом, полном уничтожении “дискретности” жертвы в ходе священного ритуала»[39]. Сабрина Джейд в интервью Энтони Петкович говорит о том, что она чувствовала до участия в буккаке, как предстоящий опыт пребывания в фокусе внимания девяноста одного мужчины ее приятно волновал и приводил в восторг. И ее слова оказываются удивительно созвуч-

ны с тем, что пишет Батай, «нет ничего более поразительного, чем забота, которую ее [жертву] окружают»[40]. При этом сохраняется единственное устойчивое отличие в образе существования жертвы, жертвоприношение проводят без разрешения. Эта ритуальная практика уничтожает только единичный случай дискретности, не дискретность саму по себе, и, таким образом, выжившие должны вернуться в профанный мир по завершению праздника[41]. Несмотря на это буккаке может быть симуляком жертвоприношения, поскольку жертва возвращается в профанный мир, но уже обладая знанием об опыте непрерывности, полученным во время бытийности в качестве священного объекта в общности, посвященной ее гетерогенности.

Согласно Полу Хэгарту, «конечная точка батаевской идеи сообщества состоит в объединении ... и парадигмой для этой общности является жертвоприношение и все, что его окружает»[42]. Хэгарт также отмечает, что батаевская концепция подлинного сообщества заключается в преодолении профанного социума в момент жертвоприношения. Более того, самыми процветающими становятся те общины, которые создавать ощущение связи с жертвой через акт жертвоприношения. Построенные таким образом сообщества по сути совершают коллективную трансгрессию, в которой теряется индивидуальная идентичность[43]. В действительности одно из самых уникальных свойств сообщества буккаке, как отмечает Энтони Петкович, состоит в толерантности, участники действия не судят [44]. Для сообщества буккаке становится своеобразной практикой жертвоприношения, оно служит замещающим средством для возвращения непрерывности его участникам. Жертвоприношение – это общее преступление, трансгрессия, оно связывает сообщество, наделяет его самосознанием. Однако, как отмечалось выше, в случае с человеческим жертвоприношением, присутствующие не могут достичь окончательного завершения самоуничтожения, они только плавают в океане существования, но не становятся им сами.

In Bataille's rendition of the Aztec story of the creation of the sun and the moon, the gods who were sacrificed did so because of the demand of the divine community. Thus the sacrifice is contingent upon the necessity of the community for a sacrifice, and as in bukkake, the sacrificed only becomes passive and gives herself to the ritual at the behest of the community.[36] Again, like the human sacrifices of the Aztecs, the object of the bukkake gains reverence among the community performing the sacrifice. However, it must be noted that the sacrifices of the Aztecs, largely, were not insiders to the sacrificing community before the sacrifice, like the adulterous girls in the bukkake myth, these victims had become enemies of the community in various wars.[37]

The actual event of bukkake mirrors Bataille's portrayal of the festival, in which men are assembled for the consumption of the sacrificial communion, during which there is 'an aspiration for destruction.' According to Joseph Libertson, Bataille's ontological meaning for sacrifice is "a direct, total destruction of the 'discontinuity' of a victim in the context of a sacred ritual." [38] In striking similarity to Sabrina Jayde's comments to Anthony Petkovich in his interview with her before undergoing the bukkake, that she is excited by the prospect of being the sole focus of ninety one men, Bataille wrote that in the sacrifice, "Nothing is more striking than the attention that is lavished on him [the victim]." [39] Yet, there is only a permanent change in the mode of being for the sacrificed; those performing the sacrifice are left without true resolution. The sacrifice destroys only one instance of discontinuity, not discontinuity itself, and thus the survivors must return to the profane world

at the end of the festival.[40] While bukkake may be a simulacrum of sacrifice, as even the sacrificed returns to the profane world, she does so with the knowledge of an experience of continuity in being the sacred object in a communion dedicated to her heterogeneity.

According to Paul Hegarty, "The endpoint of Bataille's idea of community is a coming together ... and the paradigm for this community is sacrifice, and all that surrounds it." [41] Hegarty goes on to state that Bataille's conception of a genuine community is that which overrides profane society in the moment of sacrifice. Moreover, the communities that are most thriving are those capable of creating a binding sense of the sacred through their sacrifices. Community is thus established in a communal transgression in which individual identity becomes obscured.[42]

In fact, one of the most unique aspects of the bukkake community noted by Anthony Petkovich was the tolerance and non-judgmental attitude of the participants.[43] In terms of community, bukkake works as a sacrifice that operates as a vicarious means for a return to continuity for the community's members. The sacrifice is a communal crime, a transgression, and thereby binds the community into understanding itself as such. However, as above, as with human sacrifice, those witnessing the sacrifice cannot achieve the final-end of their own destruction, as they only swim in the ocean of continuous existence, they do not become it.

In conclusion, a practice as graphic and excessive as bukkake does not lend itself well to verbalization, let alone serious academic study of its nature and the extent of its transgression. However, it is my hope that an understanding of bukkake as a transgression capable of producing

В заключение следует отметить, что такая зрелищная и избыточная практика как буккаке, не вполне поддается словесному описанию переживаний и чувств, не говоря уже о серьезных научных исследованиях своей природы и степени трангрессивности. Однако, я надеюсь, мне удалось обосновать представление о том, что посредством буккаке как трангрессивной практики возможно достижение сакрального внутри сообщества, и, в отличие от других эротических актов, унижения, садизма и мазохизма, буккаке не может быть осуществлено без элемента общности, и оно не будет иметь никакого значения в отсутствии большого количества свидетелей и участников. Это не говорит о том, что буккаке полностью соответствует батаевской парадигме человеческого жертвоприношения, в действительности в нем присутствует инверсия направления общности одновременно с жертвенным истреблением сущности жрецов, а также возможность возвращения жертвы в профанный мир. Тем не менее, это всецело коллективная трангрессия, так или иначе символическая, и, как было показано, способная приводить участников к переживанию внутреннего опыта. Нам остается только догадываться, как бы Батай воспринял происходящее, оказавшись очевидцем буккаке. Я полагаю, что Батай мог бы признать, что круг человеческого жертвоприношения и круг буккаке не так уж различны, каждая из практик яростно эротична, и в отличие от индивидуального удовольствия, получаемого в ходе многочисленных истреблений в эротизме Маркиза де Сада, буккаке демонстрирует жертвоприношение одного для радости всего сообщества.

Примечания:

{[1]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 71.

{[2]} Поскольку общераспространенный взгляд рассматривает буккаке как непристойность, на сегодняшний день этой теме было посвящено малое количество

академических исследований, и, таким образом, я был вынужден пользоваться различными интернет-ресурсами, чтобы разобраться с предметом данной статьи и связанным с ним мифами. См. Wikipedia, Bukkake, (<http://en.wikipedia.org/wiki/Bukkake>) и Неизвестный автор, Азиатский душ буккаке: что такое буккаке и соответствующая информация. (<http://www.asianbukcakeshowers.com/>)

{[3]} См. Hegarty Paul, George Bataille: Core Cultural Theorist, London, Sage Publications, 2000, pp. 100-102. {[4]} Bataille George, The Use-Value of D.A.F. de Sad (An Open Letter to My Current Comrades), trans. Allan Stoekl, in The Bataille Reader, ed. Fred Botting and Scott Wilson, Oxford: Blackwell Publishers, 1997, pp. 150-151.

{[5]} Allison Anne, Permitted and Prohibited Desires: Mothers, Comics, and Censorship in Japan, Boulder: Westview Press, 1996, pp. 147-151.

{[6]} Цит. по Kim Chin, Constitution and Obscenity: Japan and USA, The American Journal of Comparative Law, vol. 23 (2), Spring 1975, p. 263.

{[7]} Цит. по Kim Chin, p 267. См. также: Beer Lawrence W., Constitutional Revolution in Japanese Law, Society, and Politics, Modern Asia Studies, vol. 16 (1), 1982, pp. 57-62.

{[8]} Цит. по Libertson Joseph, Excess and Imminence: Transgression in Bataille, MLN, vol. 92 (5), December 1977, p. 1008.

{[9]} Moneyshot – в кино и телевидении наиболее дорогая по производству сцена, являющаяся визуально и драматически ключевой в видеоряде. В порнографии – сцена эякуляции на партнера. – *прим. пер.*

{[10]} Цит. по Williams Linda, Taming the Perversion, in Sexuality ed. Ribert A. Nye, Oxford: Oxford University Press, 1999, p 393, см. также pp. 392-394.

{[11]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 536.

{[12]} Цит. по Joseph Libertson, Excess and Imminence: Transgression in Bataille, MLN, vol. 92 (5), De-

the sacred for a community has been established, as unlike other acts of eroticism, humiliation, sadism, and masochism, bukkake can not be performed without the communal element and would have no meaning if not for the presence of so many witnesses and participants. This is not to say that bukkake fits Bataille's paradigm for human sacrifice entirely, indeed there is an inversion in the direction of communion, with the victim consuming the essence of her sacrificers, as well as the possibility of a return to the profane world for the victim. Nonetheless, this is a thoroughly communal transgression, symbolic as it may be, and has been shown to indeed produce an inner experience. We are left to wonder what Bataille would have reflected had he been given the opportunity to witness a bukkake. I posit that Bataille would have recognized that the circle of the human sacrifice and the circle of bukkake are not so entirely dissimilar, both are violently erotic, and unlike the pleasure of the individual taken in the destruction of many in the eroticism of the Marquis de Sade, bukkake shows the sacrifice of the one for the joy of an entire community.

Comments and references:

{[1]} Quoted in Georges Bataille, *Theory of Religion*, trans. Robert Hurley (New York: Zone Books, 1992), 48-49

{[2]} Given the common view of bukkake as being obscene, it has undergone little academic study thus far, and thus I have been relegated to using various internet resources to come up with a description and myth of the subject, see: Wikipedia, "Bukkake," 5 April 2005 {<http://en.wikipedia.org/wiki/Bukkake>} and Author Unknown, "Asian Bukkake Showers – what is bukkake and related information," n.d., {<http://www.asianbukkakeshowers.com/>}

{[3]} See Paul Hegarty, *Georges Bataille: Core Cultural Theorist* (London, Sage Publications, 2000), 100 – 102.

{[4]} Georges Bataille, "The Use-Value of D. A. F. de Sade (An Open Letter to My Current Comrades)," trans. Allan Stoekl, in *The Bataille Reader*, ed. Fred Botting and Scott Wilson (Oxford: Blackwell Publishers, 1997), 150 – 151.

{[5]} Anne Allison, *Permitted and Prohibited Desires: Mothers, Comics, and Censorship in Japan* (Boulder: Westview Press, 1996), 147 – 151.

{[6]} Quoted in Chin Kim, "Constitution and Obscenity: Japan and the U.S.A.," *The American Journal of Comparative Law*, v. 23 (2), Spring 1975: 263.

{[7]} Quoted in *Ibid.*, 267. See also: Lawrence W. Beer, "Constitutional Revolution in Japanese Law, Society, and Politics," *Modern Asia Studies*, v. 16 (1), 1982: 57 – 62.

{[8]} Beer, 44.

{[9]} Quoted in Linda Williams, "Taming the Perversion," in *Sexuality* ed. Robert A. Nye (Oxford: Oxford University Press, 1999) 393, see also 392 – 394.

{[10]} Quoted in Georges Bataille, *Erotism: Death and Sensuality*, trans. Mary Dalwood (San Francisco: City Lights Books, 1986), 68.

{[11]} Quoted in Joseph Libertson, "Excess and Imminence: Transgression in Bataille" *MLN*, v. 92 (5), December 1977: 1008.

{[12]} Bataille, *Death and Sensuality*, 63 – 64.

{[13]} Quoted in Georges Bataille, *The Tears of Eros*, trans. Peter Connor (San Francisco: City Lights Books, 1989), 67.

{[14]} Libertson, 1001 – 1023.

{[15]} Bataille, *Death and Sensuality*, 115 – 116.

{[16]} Quoted in Richard McGregor, *Japan*

cember 1977, p. 1008.

{[13]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, С. 532-533.

{[14]} Цит. по Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. - СПб.: Мифрил, 1994, с. 295.

{[15]} Libertson, pp. 1001-1023.

{[16]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 574.

{[17]} Цит. по McGregor Richard, Japan Swings: Politics, Culture and Sex in the New Japan, St. Leonards, New South Wales, Australia: Allen & Unwin, p. 245.

{[18]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 535.

{[19]} Батай Жорж, Внутренний опыт / Пер. с франц. С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997, С. 29-30.

{[20]} Цит. по Hegarty, p. 95

{[21]} Catherine Millet, The Sexual Life of Catherine M., transl. by Adriana Hunter, London: Serpent's Tail, 2002, pp. 30-31, 96-97.

{[22]} Jean-Luc Nancy, The Unsacrificeable, trans. Richard Livingstone, Yale French Studies, №79, 1991, pp. 21-24.

{[23]} Anthony Petkovich, American Bukkake: Controversy, Curiosity, and Lots of Facial Come Shots, date unknown, http://www.spectator.net/1189/pages/1189_bukkake.html

{[24]} Батай Жорж, Внутренний опыт / Пер. с франц. С.Л. Фокина. — СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997, С. 61-60.

{[25]} Там же, с. 68.

{[26]} Sigmund Freud, "Impotence and Idealization of Woman," in Sexuality, ed. Robert A. Nye, Oxford: Oxford University Press, 1999, pp. 176-178.

{[27]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 141.

{[28]} Цит. по Bataille, Accursed Share, p. 56. См. так-

же: Bataille, Theory of Religion, pp. 43-44.

{[29]} McGregor, p. 245; Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 587.

{[30]} James Miller, "Carnivals of Atrocity: Foucault, Nietzsche, Cruelty," Political Theory, v. 18 (3), August 1990, pp. 470-491.

{[31]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 632.

{[32]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 638.

{[33]} Там же, с. 641.

{[34]} Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. - СПб.: Мифрил, 1994, с. 294.

{[35]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, с. 78.

{[36]} Nancy, pp. 20-21.

{[37]} Батай Жорж, Проклятая часть. Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. — М.: Ладомир, 2006, С. 134-135.

{[38]} Там же, С. 136-140.

{[39]} Цит. по Libertson, p. 1015.

{[40]} Anthony Petkovich, American Bukkake: Controversy, Curiosity, and Lots of Facial Come Shots, date unknown http://www.spectator.net/1189/pages/1189_bukkake.html

{[41]} Libertson, pp. 1001-1023.

{[42]} Цит по Hegarty, p. 88.

{[43]} Hegarty, pp. 89-90, 96. См. также Батай Жорж, Внутренний опыт / Пер. с франц. С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997.

{[44]} Anthony Petkovich, American Bukkake: Controversy, Curiosity, and Lots of Facial Come Shots, date unknown http://www.spectator.net/1189/pages/1189_bukkake.html

Swings: Politics, Culture, and Sex in the New Japan (St. Leonards, New South Wales, Australia: Allen & Unwin, 1996), 245, translation and italics in original.

{[17]} Bataille, *Death and Sensuality*, 66 – 67.

{[18]} Quoted in Georges Bataille, *Inner Experience*, trans. Leslie Anne Bolat (Albany, New York: State University of New York Press, 1988), 11, see also 10 – 12.

{[19]} Quoted in Hegarty, 95.

{[20]} Catherine Millet, *The Sexual Life of Catherine M*, trans. By Adriana Hunter (London: Serpent's Tail, 2002, orig. 2001), 30 – 31, 96 – 97.

{[21]} Jean-Luc Nancy, "The Unsacrificeable," trans. Richard Livingston, *Yale French Studies*, No. 79, 1991: 21 – 24.

{[22]} Anthony Petkovich, "American Bukkake: Controversy, Curiosity, and Lots of Facial Come Shots," date unknown, http://www.spectator.net/1189/pages/1189_bukkake.html

{[23]} Nietzsche quoted in Bataille, *Inner Experience*, 27.

{[24]} Quoted in Bataille, *Theory of Religion*, 44.

{[25]} Sigmund Freud, "Impotence and Idealization of Woman," in *Sexuality*, ed. Robert A. Nye (Oxford: Oxford University Press, 1999), 176 – 178.

{[26]} Quoted in Georges Bataille, *The Accursed Share: An Essay on General Economy* v. 1,

trans. Robert Hurley (New York: Zone Books, 1991), 55.

{[27]} Quoted in Bataille, *Accursed Share*, 56. See also: Bataille, *Theory of Religion*, 43 – 44.

{[28]} McGregor, 245. Bataille, *Death and Sensuality*, 130 – 131.

{[29]} James Miller, "Carnivals of Atrocity: Foucault, Nietzsche, Cruelty," *Political Theory*, v. 18 (3), August 1990: 470 – 491.

{[30]} Quoted in Georges Bataille, "The Cruelty of the Inner Self," in *Sexuality* ed. Robert A. Nye (Oxford: Oxford University Press, 1999), 383.

{[31]} Quoted in *Ibid.*, 384.

{[32]} Quoted in *Ibid.*, 385.

{[33]} Bataille, *Tears of Eros*, 64.

{[34]} Quoted in Bataille, *Theory of Religion*, 60, see also 59 – 61.

{[35]} Nancy, 20 – 21.

{[36]} Bataille, *Accursed Share*, 46 – 49.

{[37]} *Ibid.*, 49 – 52.

{[38]} Quoted in Libertson, 1015.

{[39]} Interview with Sabrina Jayde in Petkovich, "American Bukkake," Bataille quoted in Bataille, *Accursed Share*, 60.

{[40]} Libertson, 1001 – 1023.

{[41]} Quoted in Hegarty, 88.

{[42]} *Ibid.*, 89 – 90, 96. See also: Bataille, *Inner Experience*, 93 – 97.

{[43]} Petkovich, "American Bukkake,"

Путешествие в мир боли

рецензия на книгу:

Бойко М.Е. Боль: Введение в алгософию. *Tractatus algosophicus* : Монография. – М.: Летний сад, 2016. – 152 с.

«Введение в алгософию», по словам автора, представляет собой попытку если не выразить, то хотя бы намекнуть на «индивидуальный опыт боли», который вмещает в себя жизнь человека и конституирует особого рода мудрость – алгософию. Это «болеумудрие», по мнению автора, не имеет соответствий в мире логических форм и языка. Поэтому выбор формы в случае этой книги интересен сам по себе. Трактат становится если не деянием или криком (что ещё может выражать «индивидуальный опыт боли?»), то, во всяком случае, их заместителем. Это, на мой взгляд, и смело, и необычно, и редко; это подогревает интерес при чтении, порождает приятное предвкушение – что там, за следующим поворотом, на следующей странице?

Трактат состоит из 13 глав, каждая из которых дает разноплановые перспективы феномена боли – который отбрасывает свою тень и в сферу образования значений, и в содержание литературы, и в психику, и в экзистенцию человека. Автор прослеживает причудливые изгибы следа боли в культуре и индивидуальной жизни, контекст и темы меняются, не быстро и не медленно – как подавляющий русских пейзаж за окном плацкартного вагона – однако, в этой многомерной проекции, на мой взгляд, все-таки можно выделить центр, стержневой момент книги. Это тема глубинной связи боли и реальности. «Даже отрицая реальность мира мы не склонны отрицать реальность болевых ощущений». Боль – это реальность, реальное само по себе, или, во всяком случае, единственное доступное человеку проявление реального. Эта мысль в разных формах проявляется на страницах книги и служит своего рода рефреном, управляющим музыкальным развитием трактата, его движением.

Движение это, склонное к такой же неспешной изменчивости, как и темы книги, любопытно само по себе. Начиная с искреннего, интимного введения, автор приближается к территории историко-философских штудий (глава «Фундаментальная асимметрия боли и удовольствия»). В какую-то минуту текст уже готов стать своего рода диссертацией, но затем тон вновь меня-

ется, от сопоставлений и комментирования автор переходит к обобщениям и умозрениям – собственно «трактатная» составляющая трактата (Глава «Боль как отдельная реальность» и далее). Следующая перемена открывает окна в сферу изобретения методов – алгософия становится основанием для разного рода практик – в частности психотерапевтической и литературно-критической (завершающие главы книги).

Эти интересные движения повествования формируют своего рода эстетический рисунок, производят эффект, который легко ощутить, но трудно поименовать. Возможно, здесь отзывается заявленная в начале текста тема невыразимости индивидуального опыта боли. Эстетика алгософии, похоже, наделена такими же мистическими свойствами, как и сам её предмет. Однако, присутствие её очевидно (во всяком случае, для меня), и это добавляет ещё одно измерение к опыту чтения трактата.

Прослеживая внутренние трансформации книги, можно натолкнуться на ещё одну ценную мысль – в этих метаморфозах отражается постоянная борьба с соблазном превратить алгософию в теорию, сделать то, от чего автор зарекался в самом начале – произвести на свет связанную интеллектуальную схему. Думаю, многие согласятся с тем, что это искушение зачастую может приобретать чрезвычайную силу, силу почти маниакального импульса. Мы находимся в культуре, которая, несмотря на свои глубоко иррациональные корни, заражена требованием связности, подотчетности, последовательности, подконтрольности. Все сказанное может быть использовано против нас, противоречия недопустимы, всякое действие должно иметь план, с которым его можно сверить. Поэтому невяное бунтарское содержание книги М. Бойко, её контркультурный подтекст, заключается как раз в том, что автор все-таки удерживается от создания «теории». Не раз подвергшись опасности превратиться в философию или психологию боли (или, может быть, даже историю философии боли), «Алгософия» всё-таки остается алгософией, и в этом заключается её большая победа.

- Глеб Колосиец

Journey into the world of pain

Review of:

Pain: Introduction to algosophy. Tractatus algosophicus
by Boyko M., 2016

According to the author, "Introduction to algosophy", is an attempt to express or at least to hint at the "individual experience of pain", which encompasses human life and constitutes a special kind of wisdom - algosophy. This kind of "painful wisdom" has no correspondence in the realm of logical forms and language. So the choice of the form in the case of this book is interesting as the mere fact. Treatise becomes some kind of an act or a cry (what else can express "individual experience of pain?") or at least their analogue. This is bold, unusual and rare; it stirs interest in reading, creates a pleasant anticipation - what will be there, around the next corner, on the next page?

The treatise consists of 13 chapters, each of which gives the diverse perspectives of the phenomenon of pain - which casts its shadow in the spheres of generation of meanings, the content of the literature, in psyche and in human existence in general. The author traces the intricate curves of the trace of pain in culture and individual life. The book's context and themes constantly change - like depressant Russian landscape outside second-class car window - however, in this multi-dimensional projection, in my opinion, it is still possible to allocate the center, pivotal point of the book. This is a topic of deep connection between pain and reality. "Even while denying the reality of the world we are not inclined to deny the reality of pain." Pain is the reality, the real itself or at least the only manifestation of the real available to a person. This idea appears in various forms in the pages of the book and serves as a sort of refrain, managing musical development of the treatise, its movement.

This movement, prone to a slow variation, as the themes of the book, is interesting in itself. Starting with the sincere, intimate introduction, the author approaches territory of historical and philosophical studies (chapter

"The fundamental asymmetry of pain and pleasure"). At some moment the text is ready to become a kind of thesis, but then the tone changes again: from comparisons and comments the author goes to generalizations and speculations (Chapter "Pain as a separate reality" and etc.). Next change opens a window into the realm of invention of methods - there algosophy stands as the basis for all sorts of practices - for therapy and literary criticism in particular (final chapters of the book).

These interesting movements of the narrative form a kind of aesthetic pattern, they produce an effect that is easy to feel, but hard to name. Aesthetics of algosophy seem endowed with the same mystical properties, as pain itself. However, its presence is obvious (at least to me), and it adds another dimension to the experience of the reading.

While tracing the internal transformation of the book, a reader can come across another valuable idea - the book's metamorphoses reflect a constant struggle with the temptation to turn algosophy in a theory, to do the thing from which the author renounced himself the very beginning - to produce a coherent intellectual scheme. I think many would agree that this temptation can often acquire an extraordinary power, the power of almost maniacal impulse. We live in a culture that, despite its deeply irrational roots, is infected with the requirement of coherence, accountability and consistence. Everything we say could be used against us, the contradictions are not allowed, any action must have a plan with which it can be compared. Therefore, implicit rebellious content of the book, its countercultural connotation, lie precisely in the fact that the author still resisted the temptation of "theory" production. "Algosophy" still remains to be a wisdom, not a theory, and this is a great victory.

- Gleb Kolomiets